

АНДРЕЙ
ТРОИЦКИЙ

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ
ШПИОНА

КНИГА ВТОРАЯ

Андрей Борисович Троицкий

Личная жизнь шпиона. Книга вторая

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69026953

Аннотация

Начало 80-х годов. Советский разведчик Алексей Разин работает в Нью-Йорке под прикрытием хозяина антикварного магазина. Ювелирные ценности поступают из России, выручка от продажи уходит на выполнение совершенно секретных операций. Накануне Нового года Разин пытался провести большую сделку с покупателями, которые прежде щедро платили за товар. Но на этот раз все закончилось стрельбой, Разин был ранен и чудом ушел живым.

Придя в себя, он узнал, что в Москве при невыясненных обстоятельствах была убита его жена Татьяна, переводчица научного издательства. У милиции, которая занимается расследованием, пока нет серьезных зацепок.

Разина отзывают в Москву. Перед отъездом он встретился с неким Стивеном Платтом, который уже много лет выполняет аналогичное задание. Платт собрал доказательства того, что значительная часть денег от продажи антиквариата уходит не на оперативные нужды. На сделках обогащаются

несколько высокопоставленных сотрудников разведки. Платт хочет покончить с этими, Разин соглашается помочь, передать документы людям, которые займутся расследованием злоупотреблений.

Однако в Москве он сталкивается с враждебной стеной подозрительности, за каждым шагом следят, ему устраивают подставы и провокации. Расследование убийства Татьяны останавливается. Кажется, что Разин попал западню, из которой нет выхода. На этот раз ему помогает случай и очаровательная женщина. Разину предстоит пройти трудный и опасный путь, чтобы узнать правду, разобраться в самом себе и попытаться найти убийц жены.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	70
Глава 8	77
Глава 9	86
Глава 10	96
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Андрей Троицкий

Личная жизнь шпиона

Книга вторая

Глава 1

Маргарита Докучаева, как было условлено, электричкой доехала до Малаховки, вышла, постояла на платформе, стараясь вспомнить, где озеро и нужно ли переходить железнодорожные пути. День выдался теплым, светило солнце, воздух был прозрачным и прохладным. Маргарита спросила дорогу у мужчины, спешившего по своим делам.

Перрон был пустым, только у билетной кассы женщина, в валенках и белом фартуке поверх телогрейки, торговала пирожками с тушеной капустой по десять копеек. Маргарита подошла, чувствуя, видимо, от волнения, странный, какой-то зверский приступ аппетита, попросила положить в пакет шесть штук. Взяла свою покупку и стала есть на ходу. Она шла вдоль улицы, жевала пирожок и думала, что скоро увидит Разина. Он привезет испанский паспорт и валюту. Можно будет хоть сегодня поехать в представительство Аэрофлота и купить билет до Испании. Это значит, что с сегодняшнего дня ее прежняя жизнь кончится навсегда, нач-

нется что-то другое.

Ее пугала эта неопределенность. Впрочем, Разин сказал, что, получив паспорт, она еще может все переиграть, отказаться от этой затеи и остаться в Москве. Раньше он говорил, что даст паспорт, как только письмо окажется на столе Пельше, но передумал, решив, что сначала лучше купить билет, так безопаснее. Дорога спустилась вниз, стало видно озеро, еще схваченное льдом. Когда-то давно в молодые годы, она с друзьями ездила сюда плавать и вообще приятно проводить время. Дорога шла вдоль озера, здесь сильнее чувствовался прохладный ветер. Она села на скамейку, вытащили из пакета еще один пирожок и взглянула на часы. Разин должен появиться с минуты на минуту.

Она мысленно вернулась к вопросу, который задавала себе уже сто раз. Нужно ли говорить Разину, что у нее теперь есть постоянный поклонник. Ничего серьезного, просто необременительная связь с человеком, который старше ее, с генерал-лейтенантом из Генштаба Вадимом Петровичем Соломатиным. Наверное, Разину будет не очень приятно узнать эту новость. Но дело тут не в мужских амбициях и симпатиях. Она хотела еще тогда, за ужином, все выложить про Соломатина, потому что этот человек на заре туманной юности подружился с теперешним председателем КГБ Юрием Андроповым. Если Соломатина очень попросить, а Маргарита знает, как именно нужно просить, – он не откажет в услуге передать чужое письмо другу юности.

Почему она этого не сказала? Потому что боялась услышать отказ. Она была почти уверена, что Разин передумает, все переиграет, узнав о ее близких отношениях с генералом и о возможности действовать через него. Просто попросится и уйдет, попросив ее забыть их разговоры. А если ничего Разину не говорить, если просто попросить Соломатина об этой услуге на свой страх и риск? Она знает, что за человек Соломатин. Да, он верит в идеалы партии, в социализм и прочую лабуду, но человеческие отношения, отношения с любимой женщиной он ставит выше партийных догм.

Он из тех, на кого можно положиться. А если все не так, как представляется Маргарите? Если он все-таки другой... Она запуталась в своих мыслях и вздрогнула, когда рука Разина коснулась ее плеча. Он сел рядом, взял ее руку, пахнущую пирожками и подгоревшим маслом и поцеловал тыльную сторону ее ладони.

– Ты тут совсем замерзла?

– Нет... Когда вижу это озеро, молодость вспоминаю. Летом тут много народа. Спасибо, что сюда вытащил.

– Я здесь на минуту. Меня опекает группа товарищей.

– Прямо сейчас?

– Сейчас их нет, но... Сама понимаешь. Просто приехал взглянуть на тебя. Ты обо всем подумала?

– Да, обо всем. Подумала, взвесила... Я сама хочу это сделать. Иначе так, до конца жизни, буду виновата перед Костей. Понимаешь, о чем я?

Они поговорили еще несколько минут. Разин поднялся и сказал.

– Удачи тебе. Когда передашь письмо в КПК, позвони одной старушке, бабушке Зине, по этому телефону, – он положил ей в ладонь бумажку с телефоном. – Выучи номер. Хотя, кого я учу... Просто позвони и передай, что у тебя все нормально.

– А где же паспорт и деньги?

– Они будут в твоём почтовом ящике. Завтра или послезавтра, к вечеру. По прилете в Мадрид тебя найдет человек и все объяснит. Ну, что делать дальше... Все, пока.

Он поцеловал ее руку, повернулся и ушел. Маргарита хотела окликнуть его и спросить про генерала Соломатина, но продолжала молча сидеть.

* * *

Для Маргариты неделя прошла будто во сне. На восьмой день она плохо спала, ходила на кухню, пила ромашковый чай, чтобы успокоиться. И вроде бы готова была задремать, но зажигала торшер и перечитывала письмо, которое оставил Разин. Она разглядывала паспорт гражданки Испании Джини Росалес, малиновый, с золотым тиснением. Паспорт настоящий, в этом нет сомнений, клеена ее, Маргариты, фотография, открытая виза СССР, штампель о пересечении границы Советского Союза проставлен месяц назад.

Значит, женщина под этим именем въехала в страну. Но куда эта женщина делась потом, что с ней стало? И откуда у Разина этот паспорт? Надо было прямо спросить об этом. Но теперь не позвонишь и не спросишь, а встречаться он не может, это опасно. Под утро она поняла, что все равно не заснет, прошла в большую комнату, поставила на обеденный стол пишущую машинку и перепечатала письмо. Свой экземпляр она сунула в конверт из толстой коричневатой бумаги и заклеила.

В начале десятого она позвонила в приемную Комитета партийного контроля секретарше, с которой дружила уже давно, с тех пор как сама работала в КПК, а потом перешла переводчицей в протокольный отдел Министерства иностранных дел, на полставки. Секретарша Пельше была свободна и могла поболтать, потому что начальник не появится раньше трех часов. Маргарита хотела узнать, когда можно подъехать, чтобы выпить кофе в буфете и потрепаться. Оказалось, всю неделю Пельше будет на работе с утра до вечера, а на следующей неделе уедет на совещание в Ставрополь. Значит, если уж встречаться, то лучше всего прямо сегодня. Надо решать. Маргарита задумалась на пару секунд. Внутренне она еще не совсем готова, она слишком волнуется.

– Я приеду через час, – сказала Маргарита. – Не уходи никуда.

В середине дня она вернулась из КПК, надела халат и долго ходила по квартире из комнаты в комнату, раздумы-

вая, что делать дальше. Теперь, когда письмо на столе Пельше, отступить уже некуда, значит, в ее положении появилась какая-то определенность. Маргарита позвонила своему поклоннику, сотруднику Генштаба генерал-лейтенанту Вадиму Соломатину и сказала, что у нее есть один вопрос, надо бы встретиться. Генерал ответил, что и сам давно хочет увидеться, часов в семь он будет дома, у Маргариты есть ключ. Она подумала, что понедельник – удачный день. Если все получается, значит, можно и нужно переделать как можно больше важных дел.

Она спустилась вниз и позвонила из автомата в представительство Аэрофлота, обслуживающее международные рейсы. На ломанном русском она представилась гражданкой Испании Джиной Росалес и спросила, когда на этой неделе авиарейсы до Мадрида и есть ли в продаже билеты. Заказав билет на пятницу, она сказала, что приедет за ним сегодня часов в пять.

Вечером, уже с билетами на самолет, она заехала в знакомую квартиру неподалеку от Патриарших прудов, открыла дверь своим ключом. Соломатин, давно овдовевший, звал ее замуж, но она не спешила соглашаться. Маргарита вытащила из сумки сверток с остатками вчерашнего ужина, включила телевизор и села в комнате на диван.

Соломатин пришел раньше. Он молодился, подкрашивал поредевшие волосы, делал зарядку с гантелями. Он поужинал вместе с Маргаритой, выпил пару стопок беленькой и

потянулся, чтобы ее обнять.

– Подожди, Вадик, – отстранилась Маргарита. – Будь серьезным. У меня дело важное. Один мой знакомый, хороший человек, очень бы хотел передать письмо Юрию Владимировичу Андропову. Как говорить, из рук в руки. Но через стену бюрократов не смог пробиться. А ты с Юрием Владимировичем еще с молодости дружишь, в Карелии вместе служили.

– Что это за хороший человек?

– Ну, он работал с моим покойным мужем. Когда-то давно.

– Жалоба что ли? Или квартиру просит?

– Это исключительно по работе. По их комитетским вопросам. Просто передашь письмо, – и всех дел. Не надо специально его просить о встрече. Как-нибудь само так выпадет, с оказией. Только конверт не распечатывай.

– Ох, хитрые вы женщины. А в тебе хитрости – на троих. Не даром ты была женой разведчика. Ты думаешь, если я старый приятель Юрия Владимировича, так я могу запросто его увидеть? И еще чужое письмо ему в руки сунуть?

– Ничего я такого не думаю. Ты просто сделай – и все. Пожалуйста... Обещаешь?

– Не проси, не от меня зависит. Между нами: Юрий Владимирович сейчас в госпитале. Состояние так себе... Никто не знает, чем там все кончится. Ко всему еще и с сердцем проблемы. Вчера его смотрел академик Евгений Чазов.

– И что он сказал?

– Главное не то, что сказал академик Чазов, – поморщился генерал. – Главное, что сказал Андропов, когда тот ушел. А сказал он так: если мои проблемы с сердцем обострятся, не давайте Чазову меня резать. Не хочу умереть у него под ножом, как некоторые наши товарищи... Лучше оставьте пистолет с одним патроном.

Генерал выпил еще рюмку, железной рукой притянул Маргариту к себе и полез целоваться.

В пятницу Маргарита, не попрощавшись ни с кем из московских друзей, прошла шереметьевскую таможню и по чужому паспорту улетела в Мадрид.

* * *

К вечеру Разин написал и зашифровал письмо. На следующий день встретился на первой линии ГУМа с Войтехом, передал конверт с тетрадной страничкой в клеточку, заполненной множеством цифр.

Разин писал, что через своего человека передал анонимное письмо в Комитет партийного контроля. В ближайшее время надо ждать какого-то результата: плохого или хорошего. Но пока новостей нет. Встреча с Борецким в ресторане сорвалась. Но может это и к лучшему, там плохое место. Следующая встреча, надо полагать, все-таки состоится.

Сейчас в приезде Платта нет острой необходимости. Од-

нако, две съемные квартиры в Москве, дача в пригороде и машина готовы. Их можно использовать в любое время. В конце было сказано, что Гриценко ждет денег и, по его словам, он готов вернуть архив хоть завтра. Но ниже двадцати тысяч долларов ценник не опускает. О судьбе основной части архива Нины Карповой из Серпухова пока новой информации нет.

Ответ был получен через пару дней, Платт писал, что обеспокоен судьбой архива Нины Карповой, откладывать приезд в Москву нельзя. Он рассчитывает, что приедет с частной туристической поездкой, ориентировочно через две-три недели. Разину нужно снова поговорить с Гриценко и передать ему, что деньги скоро будут.

Глава 2

Старший референт Роман Павлович Бестужев утром дожидался приезда своего непосредственного начальника председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвида Яновича Пельше, но старик завернул куда-то, якобы по срочному делу, и там застрял. Бестужев сидел в своем тесном кабинете и перечитывал текст выступления Пельше на предстоящем Пленуме ЦК. Текст был гладким, – много правильных слов про партию и коммунизм, от которых уже мозоли на языке, но и без них нельзя. Конечно, это не последний вариант, может быть, надо добавить в этот сладкий бульон перчику, то бишь самокритики, – это сейчас в моде. Щепотку, не больше. Тут важно знать меру.

Закончив чтение, Бестужев остался доволен собой, поместил страницы в сафьяновую папку с золотым тиснением, вышел в пустой коридор, застеленный красной ковровой дорожкой с зелеными полосками по краям. Он остановился перед латунной табличкой: приемная Пельше Арвида Яновича. Приоткрыл дверь и переступил порог. Секретарши на месте не оказалось, он прошел через приемную, открыл двойные двери кабинета. Внутри было так тихо, что, кажется, слышно тиканье напольных часов.

Кабинет был большой, ближе к окнам стоял длинный стол для заседаний и два ряда стульев. У противоположной стены

приставные столики, книжные шкафы со вставками из стекла. За ними многоэтажные ряды книг, собрания сочинений Ленина и Маркса и другой партийной литературы, к которой годами никто не прикасался. Бестужев подошел к письменному столу, перевел взгляд на большой портрет генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, положил папку с выступлением как обычно, на левый угол столешницы.

Он остановился всего на пару секунд, задержав взгляд на двух папках, лежавших посередине стола. На первой, довольно толстой, надпись золотыми буквами – «На подпись», на второй папке, потоньше, – «Для ознакомления. Входящие письма». Пельше иногда после обеда любил почитать письма, отобранные для него старшим референтом, самые интересные, занимательные. Серьезной информации письма не содержали, так, разная мелочовка: пьянство в низовых партийных организациях, альковные похождения коммунистов, бракоразводные процессы, бытовые скандалы и прочее в таком жанре. Почту подбирали так, чтобы не рвать сердце старику серьезными делами, не портить ему настроения, а проблемы партии уменьшить, насколько это вообще возможно, свести все к бытовому пьянству или разладам в семьях.

Бестужев уже сделал первый шаг к дверям, но остановился, отметив про себя, что сам накануне вечером просматривал папку с входящими письмами и, если не изменяет память, в ней были всего четыре письмеца, перепечатанных на машинке, чтобы старику было легче читать, а сейчас эта же

тоненькая папка вдруг растолстела вдвое. Бестужев не любил задерживаться в этом кабинете, если его хозяина не было, но сейчас взяло верх любопытство.

Он подошел к столу, придвинул и раскрыл папку. Действительно, сверху четыре пустяковых письма, которые выбрал Бестужев, а снизу некий документ, который раньше не попадался на глаза. На нем не было сопроводительного паспорта, картонного прямоугольника с номером регистрации и другими реквизитами. Значит, это сочинение каким-то образом миновало канцелярию. Он прочитал первые строки, пробежал взглядом страницу, – стараясь понять содержание. И будто огнем обожгло. Подписи под письмом не было, в конце, на десятой странице аноним написал, что не подписывается по понятным причинам. Бестужев вынул машинописные листки из папки, оставив на месте те четыре письма.

Оказавшись в приемной, он отметил, что секретарша не появилась. Вернувшись к себе, трижды прочитал анонимку и стал ходить от стены к стене, стараясь успокоиться и собраться с мыслями. За прожитые сорок пять лет, двенадцать из которых отданы бумажной работе в аппарате ЦК КПСС партии и Комитете партийного контроля, было несколько случаев, скорее комичных, когда сотрудники, в основном технические работники, как-то исхитрились и подсовывали в папки с серьезными бумагами свои нелепые сочинения, разные кляузы о сослуживцах или о дачных делах.

Тут совсем другое. Язык письма был сжатым и сухим, без прилагательных и восклицательных знаков. Если верить написанному, государственные ценности, изделия известных ювелирных домов царской России, золото в монетах, драгоценные камни, изымают из Гохрана, вывозят за границу, сначала в Европу, безвозмездно передают в частные фирмы, а затем отправляют в Америку. Там ценности продают, как правило, мелкими партиями по заниженной цене, местным ювелирным фирмам или частным лицам, проще говоря – кому попало, лишь бы выручить валюту.

Учет и контроль отсутствуют, фактически деньги уходят как вода в песок, не поймешь кому, не поймешь куда, были случаи пропажи значительных денежных сумм, валюту разворовывали лица, имевшие к ней доступ. Все это мародерство прикрывают необходимостью помощи левым силам и лицам, связанным с борьбой чернокожего населения за гражданские права. Другая часть денег уходит, якобы, на оперативные нужды, – надо понимать, агентов разведки, действующих на территории Соединенных Штатов.

Были приведены примеры, когда ценные ювелирные изделия были проданы разным проходимцам за сущие копейки, выручка передана левым активистам, которые ее потратили на личные нужды. Таких примеров автор письма обещал привести великое множество в том случае, если КПК начнет проверку изложенных фактов.

Первое, о ком вспомнил Бестужев – Маргарита Докучаева, хорошая знакомая, с которой у него в свое время был роман, настоящее серьезное чувство. Недавно она предложила встретиться в ресторане «Славянский базар» и за ужином спросила, как бы между делом: можно ли передать напрямую Пельше один важный документ. Ей не хотелось, чтобы бумага была зарегистрирована, – дело серьезное, найдутся люди, которые захотят спустить все на тормозах, если Пельше не вмешается с самого начала.

Еще недавно, в пору любви и страсти, Бестужев не смог бы отказать Маргарите, тогда он готов был ради нее даже уйти из семьи. Но сама Маргарита отговорила его от этой затеи. Сейчас он ответил «нет», даже не поинтересовавшись содержанием письма. Сказал, что за такие вещи он положит на стол партбилет, потеряет работу и тогда хоть на завод нанимайся. Маргарита поняла, что просить бесполезно. Но думать всерьез, что это Рита подложила письмо, – несерьезно.

Бестужев поднял телефонную трубку внутренней линии, секретарша вернулась. Он спросил, кто сегодня заходил в кабинет Пельше и услышал тот ответ, которого и ждал: никто не заходил.

– А помощник Арвида Яновича?

– Он по телефону звонил. Сказал, что будет к обеду. И

еще спрашивал, надолго ли Арвид Янович задерживается.

– А, все-таки помощник звонил...

– Что-то случилось?

– Помощник брал почитать кое-какие бумаги и не вернул.

Подумал: может быть, он их в приемной оставил.

– Нет, у меня ничего нет. Кстати, вчера по телевизору смотрела передачу про декабристов. Там портреты ваших родственников Бестужевых показывали. Младший такой красавец, на вас похож.

– Спасибо, Анечка, вы всегда говорите приятные вещи.

Роман Павлович увлекался изучением истории дворянских родов России, а заодно уж, при случае, и своей фамилии. Имея доступ в закрытые спецхраны и перелопатив множество документов, получил косвенные подтверждения давней догадки, что и он сам не из простых смертных, а его фамилия, пройдя через замысловатые переплетения времени и человеческих судеб, восходит к знаменитому дворянскому роду Бестужевых, тех самых декабристов.

Сделав это спорное открытие, он некоторое время ходил сам не свой, но из осторожности не спешил поделиться радостью с друзьями и, тем более, сослуживцами. С одной стороны, декабристы вроде как первые предвестники Октябрьской революции, – и это прекрасно, но с другой стороны – дворянская кровь, которая ему, члену партии и старшему референту, без надобности. Однако, вскоре друзья и сослуживцы таинственным образом оказались посвященными в его

тайну и, при возможности, напоминали Роману Павловичу о родстве, которому он уже перестал радоваться.

Сейчас душу съедало беспокойство, хотелось разобраться в этой истории. Бестужев нарисовал на листе бумаги пару вопросительных знаков, решая, с чего начать. Можно было спуститься в бюро пропусков и посмотреть, на чьи имена были заказаны пропуска. Нет, так нельзя. Список ему не покажут, на вахте дежурят гэбэшники, которые ему не подчиняются.

* * *

По логике вещей, он был обязан пойти в секретную часть и рассказать эту историю полковнику Константину Комарову. Так и так, наш сотрудник, имеющий доступ в кабинет председателя КПК, подsunул в деловые бумаги анонимку, где выдвигает обвинения против ваших же коллег... Даже сказать страшно: распродажа по бросовым ценам антикварных изделий и присвоение крупных валютных сумм.

Комаров сделает большие глаза, потому что, проработав на этом месте лет двадцать, сразу поймет, что таких анонимок еще не читал, и помчится на площадь Дзержинского на доклад. На следующий день в КПК будет работать группа оперативников.

Надо полагать, чекисты найдут человека, подложившего анонимку. Злоумышленником может оказаться, например,

очаровательная Тонечка из канцелярии, которая из благих побуждений уступила просьбе близкого мужчины, взяла у него это письмо. Она иначе не могла. А кто этот мужчина? Наверняка не просто кляузник, народный мститель, он сам из системы госбезопасности, который знает эту грязную кухню изнутри. И на КПК смотрит, как на последнюю инстанцию, способную отстаивать правду и бороться с жуликами.

Конечно, подложить письмо могла не Тонечка, а любая другая женщина, секретарь, бухгалтер или технический работник, – Бестужев был уверен, что это сделала именно женщина. Только женщины способны на такие отчаянные мужественные поступки.

Но тут он понял, что в его расчеты вкралась ошибка: на этаж, где кабинет Пельше, из канцелярии и других подразделений можно попасть только через дополнительный пост охраны. Поэтому здесь всегда так пусто. Анонимку мог подложить или человек с этого этажа, или посетитель, которого тут знают, которому заказали пропуск.

Он вспомнил, что в охране есть знакомый, капитан госбезопасности Феликс Янов. Это знакомство состоялось, когда Бестужева попросили об одной любезности, – сыну Янова за неуспеваемость грозило отчисление из института. Бестужев легко помог, сделал пару звонков нужным людям, парню дали время для пересдачи экзаменов. Теперь можно попросить об ответной услуге.

Уже через полчаса на столе лежал список людей, которым

заказывали пропуска для посетителей вчера вечером и сегодня утром. Двенадцать имен. В середине – Маргарита Докучаева. Сердце оборвалось, а потом затрепетало где-то в животе. Он поднял трубку и набрал номер, когда секретарша Пельше подняла трубку, спросил:

– Простите, что надоедаю. Докучаевой вы пропуск заказывали?

– Да, днем Рита приходила. К вам, между прочим. А вы куда-то вышли. Снизу она позвонила мне и попросила заказать пропуск. Что-то не так?

– Нет, все в порядке.

Некоторое время он сидел за столом и смотрел в окно, на подоконник села крупная ворона, стала косить на него черным глазом, а потом взмахнула крыльями и улетела. На душе сделалось грустно и противно.

* * *

Вечером в пятницу Роман Павлович из телефона-автомата позвонил старому приятелю Льву Сеницыну, отставному генералу авиации, одному из тех немногих людей, которым мог открыть свои секреты, и спросил, нет ли настроения раздавить пол-литра коньяка.

Вскоре он сидел на кухне знаменитого дома на набережной, окна которой выходили на Кремль. Кухня была небольшая, восьмиметровая, но там было тепло и уютно. Сеницын

сказал, что у него есть для гостя сюрприз, пошел в комнату и вернулся с прошлогодним календарем, посвященным декабристам. Календарь был небольшой, книжного формата, многоцветный, страницы крепились на проволочную спираль. На них были помещены портреты героев восстания декабристов 1824-го года, на одной из страниц братья Михаил и Николай Бестужевы, красавцы в офицерской форме.

– Твои родственники, – сказал Сеницын. – Это мы на экспорт календари выпускаем. Текст на английском. Хорошая вещица. Тебе на память.

Бестужев листал календарь, вглядываясь в лица героев декабристов. Интересно, почему сейчас, в наше время, не увидишь таких благородных красивых людей, куда они делись. Он вспоминал лица сослуживцев и морщился.

– Да, занятная штука, – сказал он. – В этом году хочу съездить в Бурятию и посмотреть на ту богом забытую дыру, ну, куда сослали Николая и Михаила. Где они прожили лучшие годы. Уже после каторги...

– Ты давно собираешься, – сказал Сеницын. – В прошлом году даже билеты купил...

– Сам знаешь, какая у меня работа собачья. Ну, скажи лучше, что делать с проклятым письмом?

– Ты потомок декабристов, – ответил Сеницын. – И должен мерять жизнь их аршином. Вопрос так ставится: чтобы сделали на твоём месте выдающиеся предки? Они бы не струсил. Тебе остается поступить так же. Надо поехать в

Питер, выйти на Сенатскую площадь, в воскресный день, когда народу побольше. И крикнуть в толпу: товарищи, в КГБ воруют, как последние сволочи. А потом постой и подожди пару минут. Подойдут два симпатичных парня в штатском. Наденут на тебя наручники.

– Не подкальвай. Скажи серьезно.

– Тогда предлагаю нечто другое. Я был у тебя на даче, а ты тогда новой печкой хвастался. Отличная печка. А когда есть печка и дрова, нужна бумажка для растопки. Раньше ты газеты жег, а теперь сожги анонимку. Забудь ее содержание и все остальное. Автор этого опуса тебя мысленно поблагодарит за то, что ты не отдал его сочинение комитетчикам. Они бы этому писателю устроили длинный отпуск на Колыме... Но сначала, для затравки, подержали пару лет в психушке, чтобы он сам забыл свою дурь. Ладно, не хочу о грустном.

– Это и есть твой совет?

– Учти, автору анонимки выпадет судьба, которая куда страшнее судьбы твоих знаменитых предков. У братьев Бестужевых были каторжные работы на заводе под Читой. Точнее при заводе, потому что работяги из них никудышные оказались. А потом их отправили в Бурятию на поселение. И жили они там в приличном доме, делали, что хотели. Как вольные люди. Николай занимался живописью, переводами с иностранных языков, изобретательством. Сестры к ним приехали...

– Ну, и что в итоге?

– Автору анонимки суд прилепит статью об измене родине и намотает от двадцати лет до высшей меры. И окажется этот грамотей даже не на лесоповале, а в месте похуже. В каком-нибудь закрытом городе или поселке в степях Казахстана, где уран добывают. В таком местечке, которого нет даже на карте. И тебе обломится. За природную любознательность. Лет десять строгача и десять ссылки. Нравится?

– Очень нравится, – кивнул Бестужев. – Думал, ты что-то умное скажешь.

Они допили бутылку, обменялись анекдотами, и Бестужев ушел с тяжелым сердцем. Он думал, что напрасно приходил, у военных другой склад мысли. Хорошо хоть, что он о Рите даже словом не обмолвился.

Глава 3

На следующий день в субботу, чтобы немного развеяться, Роман Павлович отправился на дачу, не государственную, а свою собственную. Дом в поселке он купил пару лет назад, сообразив, что не вечно будет в партийной номенклатуре. Когда-нибудь, может быть, не дождавшись пенсии, пересадят в кресло уровнем ниже, и останется он без продуктового распределителя, командировок в социалистические страны и государственной дачи, – наступят кислые времена.

Когда подвернулась возможность купить у дальней родственницы, внезапно овдовевшей, неплохой дом, он без колебаний выложил скопленные на черный день деньги, кое-что занял и вскоре почувствовал, как хорошо коротать вечера на закрытой веранде и видеть за стеклом не дачный огород, – несколько жалких грядок с зеленью и кривые стволы яблонь, – а столетние строевые сосны, которые растут здесь, почувствовать запах смолы, а не навоза, и не слышать ничего, кроме далеких гудков электрички.

* * *

Бестужев умел ценить уединение, было приятно сознавать, что никто не видит тебя за глухим забором, никто тебе

не завидует, и, значит, анонимки не напишет, да и тебе самому никто не нужен. Он загнал машину на участок, запер ворота. Открыл дом, переоделся, протопил железную печку и, усевшись в кресло, стал листать исторический роман, который взял в ведомственной библиотеке, он всегда просил что-то из русской истории, лучше всего – мемуары, но в этот раз он не испытал живого интереса. Читал абзац-другой, останавливался и возвращался к мыслям о письме.

Он отложил книгу, расстегнул портфель, достал письмо и подумал, что в этом году дочь окончит университет, надо подумать о ее распределении. Он распахнул дверцу печки и бросил письмо в топку. В следующую секунду вскочил на ноги, полез рукой в огонь, вытащил листки, уже горящие, бросил на пол и затоптал ногами. Через пару минут он стоял перед обеденным столом, разложив на нем то, что осталось от письма. Пострадала первая страница, обгоревшая в основном слева, где поля. Почти полностью сгорела последняя страница, предпоследняя, схваченная огнем по краям, была пригодна к прочтению. Остальные страницы пожелтели, но остались целы. Он убрал письмо в пластиковую папку и опустил в портфель.

Посмотрел на часы, поднялся. Взял ключ от ворот, висевший на вбитом в стену гвозде, быстро собрался, запер дверь, соображая на ходу, открыта ли сегодня приемная КГБ, расположенная в кособоком доме на Кузнецком мосту.

Бестужев часто бывал в том месте, покупал дочери аква-

риумных рыбок в зоомагазине, что находится на противоположной стороне. Когда дочь подросла, ей надоело возиться с рыбками, Бестужев взял на себя эту заботу. Бывая в зоомагазине, он всегда останавливал взгляд на здании через дорогу. В приемную КГБ вела старая деревянная дверь, находившаяся между двух пыльных витрин, закрытых белыми занавесками с внутренней стороны. В это странное учреждение никто никогда не заходил, и не выходил никто, поэтому казалось, что внутри людей нет, а дверь бутафорская.

Он оставил машину на Кузнецком мосту напротив художественной галереи, хотя можно было подъехать ближе, и неторопливо зашагал вверх по переулку, не думая ни о чем. Остановился перед той самой дверью, толкнул ее. Заскрипела пружина, он зашел и огляделся. Интерьер напоминал почтовое отделение, слева и справа стояли два столика и стулья, справа стойка, точно, как на почте, боковые стекла окрашены, между ними прозрачное окошечко. Бестужев подошел ближе и заглянул в него, – с той стороны сидел мужчина лет сорока в форме, погоны капитана госбезопасности. В этот момент, хотя все было решено и обдуманно, в душу влезли сомнения и чувство опасности, давно не испытанное.

– Товарищ, у вас что?

– Что? У меня? – переспросил Бестужев, будто к окошку была очередь, и хотелось убедиться, что капитан обращается именно к нему, а не к другому гражданину. – У меня дело одно. Я бы хотел, даже не знаю... Посоветоваться с ком-

патентным человеком. Я работаю, как бы это сказать... Ну, в Комитете партийного контроля СССР. Ко мне в руки случайно попало письмо, анонимное. Ну, по работе... И в нем идет речь как раз о Комитете госбезопасности. И я подумал, лучший вариант – прийти сюда и поговорить.

– Паспорт попрошу. И служебное удостоверение.

Капитан глянул в удостоверение и закрыл его, долго перелистывал паспорт, задержавшись на страницах, где стояли штампы о московской прописке, о регистрации брака и детях.

– Письмо с собой?

– Да, при мне.

– Давайте сюда. Присядьте за стол и подождите.

Капитан захлопнул окошко, Бестужев сел к столу, положив на колени портфель. Он испытывал странное чувство, будто с этой минуты собственная жизнь, будущее, карьера, благополучие, – лично ему уже не принадлежат. А кому принадлежит, от кого зависят, – толком неизвестно.

Те же чувства он уже испытал в прошлом году, тогда в ведомственной поликлинике он проходил диспансеризацию перед поездкой в санаторий. Хирург, осматривавший его, нашел какое-то уплотнение на спине под лопаткой, спросил, давно ли появилась опухоль и печально покачал головой. Бестужева отправили сначала на анализы в ведомственную лабораторию, затем в онкологический центр на Каширке, где брали анализы повторно, а потом, когда все было готово, к

профессору онкологу на консультацию. И вот тогда, в очереди к этому научному светилу, Бестужев испытал нечто похожее.

Ему казалось: если он прочитает в глазах профессора свой приговор, то надолго, может быть, навсегда, перестанет принадлежать самому себе, не сможет распоряжаться своей жизнью, своим будущим. Вместо поездки в Сочи – клиника Блохина, срочная операция, новые обследования, метастазы...

Слава богу, обошлось. Опухоль оказалась доброкачественной. Но сейчас то самое чувство вернулось, теперь он почти уверен, что его жизнью будет командовать тот невыразительный капитан без имени и отчества, и другие люди, с которыми Бестужев пока еще не знаком. Захотелось встать и уйти, но теперь сделать это он уже не мог. Куда он пойдет без паспорта и служебного удостоверения, в какой-нибудь клуб дураков, где принимают без документов.

* * *

Через час из боковой двери, которую Бестужев не заметил, появился мужчина в штатском костюме. В его руках была та анонимка в пластиковой папочке. Мужчина присел за столик и представился Егором Ивановичем Ивановым, но Бестужев почему-то решил, что собеседник врет, зовут его как-то иначе. Иванов попросил рассказать, что привело Бестужева в общественную приемную. Это был человек лет со-

рока со скорбным сухим лицом, уголки губ опущены, в глазах стояли слезы, будто чекист только что вернулся с кладбища, где похоронил всех своих близких, а также любимую собачку.

Бестужев, сбиваясь, рассказал историю с письмом, утаив несущественные детали. Мужчина вытащил из папки обгоревшие бумаги, попробовал читать, но с первой страницы не получилось, он начал со второй. Читал он неторопливо, вздыхая каким-то своим мыслям и хмурился. Особенно его расстроило, что сгорела последняя страница. Из правого глаза выкатилась крупная слеза.

– Что с вами? – спросил Бестужев.

– Не обращайтесь внимания, – сказал человек, назвавшийся Егором Ивановичем. – Аллергия. Я отлучусь на минутку?

– Конечно, – кивнул Бестужев.

Минутка растянулась на час, наверное, Иванов пошел в главное здание КГБ пообедать и потрепаться с приятелями, такими же бедолагами, которым выпало дежурить в субботу. Он появился из той же двери, и поманил Бестужева рукой. Они оказались в коридоре, потом в какой-то комнатенке без окон, где стоял письменный стол, несколько стульев и вешалка. Под потолком, потрескивая и мигая, горела люминесцентная лампа.

Иванов помог гостю снять плащ, усадил его за стол, достал из ящика чистую бумагу, ручку и попросил написать объяснительную записку, ответив на вопросы: при каких обстоя-

тельствах к Бестужеву попало письмо, и почему он не передал этот документ, как положено, в секретную часть КПК. В объяснительной записке надо также ответить на вопрос, почему письмо обгорело, и что именно было напечатано на утраченных страницах. Иванов вытер слезы платком и ушел.

Бестужев, набивший руку в сочинении казенных бумаг, быстро выполнил задание и стал ждать Иванова, но тот не возвращался. Было муторно, хотелось уйти, он жалел, что приехал сюда в наивной надежде сбросить груз ответственности, найти какое-то человеческое понимание. Пришла усталость и апатия, словно он вагон разгрузил, а не водил пером по бумаге. Подумалось: если бы не его хорошая физическая форма, утренняя зарядка с гантелями, походы в бассейн, он, ничего не евший со вчерашнего вечера, запросто мог в обморок упасть. Наконец появился Иванов, сел напротив через стол, прочитал объяснительную записку на двух страницах, крякнул и покачал головой.

– Так не пойдет. Я ведь просил описать все события того утра. Подробно, а не абы как, скороговоркой. И особенно сосредоточиться на последних страницах письма, которые вы сожгли. Сожгли по неизвестной причине. Вам, Роман Павлович, все понятно? Итак, опишите тот рабочий день, подробно. А потом...

– Все понятно.

Да, все понятно... Иванов не обедал и не болтал с приятелями, он с кем-то советовался. Получил указания или при-

каз, что именно спрашивать. Слезы в его глазах давно высохли, зрачки сделались острыми и холодными, как кусочки серого льда.

– Но в тот день на работе не было никаких событий, – сказал Бестужев. – Я просто вошел в кабинет Пельше и увидел...

– Не надо мне ничего рассказывать. Устный рассказ – не документ. Изложите письменно. Четко и ясно. Буквально по минутам с того момента, как появились на работе. Вы пришли в кабинет, сели за стол... Ну, что дальше?

– Достал из портфеля доклад...

– Я же сказал: не надо ничего рассказывать, – повысил голос Иванов. – Пишите. Вот ручка, вот бумаги. А затем подробно изложите, что именно содержалось на сгоревших страницах. Начинайте, я жду.

Но ждать он не стал, вышел из комнаты и снова появился через час с лишним. Сел за стол, хмурясь, прочитал четыре страницы, исписанные убористым подчерком, попросил подождать и снова ушел. На этот раз Иванов отсутствовал минут сорок, вернувшись, он немного смягчился, позволил себе что-то вроде улыбки, и подвел итог:

– Ну вот, это уже лучше. Теперь хоть более или менее понятно, о чем речь. Так бы сразу... Что ж, Роман Павлович, сегодня суббота. Не хочу вас больше задерживать. Спасибо, что нашли время и приехали сюда. Вы сознательный гражданин. Если что, мы с вами свяжемся. А сейчас езжайте до-

мой и отдохайте.

Анонимку он не вернул, помог надеть плащ, показал, где находится уборная. И подождал в коридоре, пока Бестужев справлял нужду и долго с наслаждением, пил воду из крана. Потом проводил обратно в помещение приемной. Окошко дежурного давно захлопнулось, горела только лампочка над дверью, из-под глухих занавесок просачивался свет вечерних фонарей. Бестужев поднялся на ступеньку, вышел, остановился на тротуаре и вдохнул воздух весенней улицы, такой сладкий и свежий.

* * *

Он достал пачку сигарет, хотел прикурить, уже чиркнул спичкой и тут увидел, как от стоявшей рядом «волги» отделились три темные фигуры, двое оказались у него за спиной, а третий подошел на расстояние шага и, раскрыв удостоверение, поднес его близко, так что в свете горящей спички, можно было прочитать имя человека и его звание: майор госбезопасности Виктор Орлов. Спичка погасла, Бестужев почувствовал себя обманутым, злость нахлынула горячей волной.

– Роман Павлович, нам надо уточнить некоторые детали этой истории с письмом, – сказал Орлов. – Вам придется проехать со мной, тут недалеко... Там мы сможем спокойно поговорить. Надолго не задержим.

– Я целый день проторчал здесь. Написал две объясни-

тельные записки. В них подробно рассказал, как письмо ко мне попало. И что было написано на последнем сгоревшем листе. Вам остается только прочитать.

Он шагнул в сторону, пытаясь обойти этого человека, побежать к оставленной машине и уехать с этого проклятого места, но Орлов схватил его за руку. Бестужев попытался вырваться, но пальцы сжались крепче:

– Не делайте глупостей, Роман Павлович, – сказал Орлов. – Не портите себе жизнь.

– Я никуда не поеду.

– Садись в машину, ты... Слышь, мы с тобой справимся.

Бестужев оглянулся, двое стояли сзади, готовые завернуть руки и запихнуть его в «волгу». Он выдохнул и перестал сопротивляться:

– Черт с вами. Только вот что, у меня машина рядом с Домом художника...

– Об этом не беспокойтесь.

Впереди, рядом с водителем, сел Орлов. Бестужев оказался на заднем сидении, зажатый с двух сторон оперативниками, приказавшими пригнуть голову к коленям. Он выполнил команду, кто-то положил ему на затылок жаркую ладонь, будто грелку, и больно надавил. «Волга» сорвалась с места, видимо, поехала по Сретенке, свернула направо, пропетляла в переулках. Бестужева вытащили из машины, будто самостоятельно передвигаться он не мог, завернули руки так, чтобы он видел перед собой только мокрый асфальт и свои

ботинки. Лишь на мгновение он сумел приподнять голову и посмотреть наверх, увидел дом красного кирпича и темные квадраты окон, будто люди здесь не жили.

Его провели через подворотню, в маленький двор, в подъезд, а там наверх по каменным ступеням. Бестужев пробовал освободить руки, но напрасно, только сделал себе больно. Поднялись на четвертый этаж, в квартире уже кто-то ждал, открыл дверь. В прихожей его заставили встать лицом к стене, поднять руки и обыскали, вытащив из карманов связку ключей, бумажник и какие-то мелочи. Ощупали ноги, хлопали ладонями по груди, бокам и спине, заставили снять и осмотрели ботинки. Эта процедура проходила в полной тишине.

Глава 4

Через пару минут он, уже без плаща, в одном темно-желтом свитере и брюках, сидел на венском стуле посреди освещенной комнаты. Плотные шторы закрывали окна, напротив кожаный диван, антикварная этажерка с несколькими книгами и фарфоровыми слониками. Кто-то принес из соседней комнаты настольную лампу с колпаком на гибком шнуре, поставил ее на пол возле дивана, направив свет в лицо Бестужеву, который обрел дар речи и сказал:

– Слушайте, почему вы позволяете себе это хамство, – он не смог договорить, потому что от волнения сжало сердце. – Какое право... Я не мальчишка, чтобы... Черт побери...

Он замолчал, сообразив, что ответа не будет.

В это время Орлов, не выходявший из машины, разговаривал по радиотелефону с полковником Колодным, это был уже их четвертый разговор в течении долгой субботы.

– Он у нас на Сретенке, – сказал Орлов. – Еще не начинали.

– Я был у Деева, кислый разговор у нас вышел, – ответил Колодный, он стоял в прихожей своей квартиры, уже одетый к выходу. – Сказать, что Деев расстроен и сердит, – значит, ничего не сказать. Короче, из этого типа надо вытащить всю информацию.

– Найдете дорогу?

– Без проблем. Буду минут через сорок. Не очень торопитесь. Хочу посмотреть в глаза этого человека и понять, что происходит. Или он спятил и тут нужен психиатр. Или нас держит за дураков. Впрочем, его могут использовать втемную.

– На психа он не похож, – сказал Орлов.

Закончив разговор, он приказал водителю не стоять здесь, под окнами, а спуститься немного ниже по переулку, и ждать там, эта история скоро не кончится. Водитель ответил, что заступил на смену в шесть вечера, торопиться некуда.

Орлов поднялся наверх, в прихожей скинул куртку, в ванной комнате помыл руки и расчесал волосы на пробор. Войдя в комнату, он выключил лампу, стоявшую на полу, и попросил оперативников отдохнуть на кухне, а Горох, у которого хороший почерк, пусть садится к столу и ведет протокол. Затем вернулся в прихожую, вытащил из куртки сложенные вдвое исписанные страницы в пластиковой папке.

Орлов плотно закрыл дверь в коридор, показал бумаги Бестужеву и сказал:

– Я ознакомился с этим сочинением. И немного разочарован. Ну, поставьте себя на мое место. И вы сразу поймете, что ситуация странная. Референт из КПК находит в кабинете большого партийного чиновника анонимный пасквиль. Нигде не зарегистрированный. Референт оставляет анонимку у себя и держит ее пять дней. В субботу уезжает на дачу и пытается сжечь... Но в последнюю секунду меняет решение.

Скажите, такой рассказ не кажется вам нелогичным, надуманным?

– При чем тут логика? Я действовал под влиянием эмоций. И сам немного запутался. С самого начала я был уверен, что этот важный документ заслуживает проверки. Скрыть его я не имею права. Но шло время, кончилась неделя, а я так и не смог решить, что же делать. Стало казаться, – и в этом я не ошибся, – если я принесу анонимку в Комитет госбезопасности, то у меня начнутся серьезные неприятности. Чтобы все взвесить, я отправился на дачу. Подумал и бросил письмо в печку, но в следующую секунду выхватил его из огня, затоптал и поехал к вам. Теперь я сказал все, что знаю. Можно идти?

– Не торопитесь.

– Хорошо. Тогда разрешите хотя бы позвонить. Жена уверена, что я вернусь вечером. Только два слова, и все...

– Вы тут долго не задержитесь. И позвоните из телефона-автомата.

– Я не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством.

Бестужев смотрел в глаза майора, перед ним сидел приятный и, видимо, неглупый молодой мужчина, который не желает ему зла, но причинит это зло не задумываясь, по приказу или по каким-то своим соображениям, из внутренней убежденности, что так надо, что он поступает правильно. Все-таки Бестужев превратился в конченного дурака, если вдруг сорвался с места, примчался с этими обгоревшими бу-

мажками на Кузнецкий мост. Он мог бы сейчас сидеть у печки, читать исторический роман и дышать волшебным воздухом весны, дышать и не надышаться. И уже забыть эту анонимку.

Чей-то голос прошептал в ухо: эти люди привезли тебя сюда, чтобы узнать все и убедиться, что ты говоришь правду. И вправду интересно, чем кончится эта история, ведь в жизни заканчивается все, даже неприятности. Ну, допустим, его попросят с работы, – это понятно, объяснимо. Его выгонят из партии, это тоже логично. Людей выгоняли и за меньшие проступки. Дочь не поступит в университет, попадет в черные списки. А что еще? Тот же голос, спокойный и тихий, сказал, что Бестужев не выйдет отсюда живым.

– Вернемся к делу, – Орлов щелкнул пальцами. – Почему вы не захотели дождаться понедельника? Тогда бы вы, приняв взвешенное решение, смогли отнести анонимку на работу, в секретную часть. И там объясниться.

– В секретной части содержание письма отойдет на второй план. Станут искать, кто и как сумел подбросить анонимку на стол Пельше. Только на этом и сосредоточатся. А я считаю важным содержание письма. Считаю, что нужно проверить этот сигнал.

– Хорошо, допустим. Вспомните, сколько страниц было в письме до того, как оно побывало в печке?

– Десять. Сгорела только одна страница.

– Это будет трудно проверить. Вы обсуждали с кем-то со-

держание письма?

Бестужев задумался на секунду, решая, что делать: сказать правду или соврать.

– Нет.

– Может быть, вы кому-то показывали письмо?

– Нет-нет, что вы.

– Кто-то мог его прочитать без вашего ведома?

– Нет. Письмо все время находилось при мне, в портфеле.

– Сегодня шестой день, как письмо при вас. Срок не маленький. За это время Бог создал Землю и много чего другого. С трудом верится, что вы ни с кем не поделились своими сомнениями. И, так сказать, тягостными раздумьями. Никому не показали анонимку. Я вижу, что письмо вас взволновало. А вы, значит, держали в себе все эмоции? Может быть, хотя бы с женой перебросились парой слов? Ну, за ужином...

– Слушайте: письмо не видел ни один человек. О его содержании никто, кроме меня, не знает. Это и есть мой окончательный ответ. Как говорится, получите и распишитесь.

– Что ж, хорошо. А теперь...

Орлов снова щелкнул пальцами, посмотрел на Гороха, оторвавшегося от писанины, и кивнул на дверь, мол, выйди покурить на кухню. Дождался, когда дверь закроется, и сказал:

– В своем объяснении, составленном в Приемной КГБ, вы написали вот что, – Орлов развернул исписанные страницы и прочитал. – Цитирую. «В самом конце анонимки, на сгорев-

шей странице, ее автор написал, что может назвать людей, стоявших у истоков этой авантюры: это сотрудники первого отдела ПГУ генерал КГБ Павел Деев и полковник Иван Колодный». Вы не ошиблись? Правильные имена?

– Правильные. На память не жалуюсь.

– Вы не хотите что-то пояснить? Или поделиться мыслями?

– Нет, тут добавить нечего.

– Может, вспомните и другие имена, фамилии?

– Нет, ничего. Автор написал, что в случае начала проверки по данному письму, он готов предоставить дополнительные сведения. И все, точка.

* * *

Повисло долгое молчание. Орлов отложил сторону бумажные листы и внимательно посмотрел на Бестужева.

– Роман Павлович, послушайте. Я вас прошу еще раз хорошо подумать перед тем, как ответить. Этот анонимный донос в духе тридцать седьмого года написал не какой-то там завистливый дурак... Ну, которому сослуживец мешает подняться по карьерной лестнице. И не персона, обиженная на свое начальство. И не жулик, который хочет навести следствие на ложный след. Анонимку написал настоящий матерый враг советской власти, он находится внутри Комитета госбезопасности. И хочет похоронить репутацию честных

сотрудников. Сделать так, чтобы наша работа была надолго парализована. Чтобы чекисты погрязли в сплетнях, доносах, разбирательствах. Именно этой цели добиваются автор или авторы. Понимаете?

– Но я написал правду. Ничего не утаил. У нас в стране анонимки законом не запрещены. Мало того, в соответствии с законом они подлежат проверке точно так же, как подлежат проверке подписанные письма. Любой гражданин вправе выбрать: подписать письмо своим именем или нет. И долг партии проверить сигнал.

– Ну вот... Вы столько лет отдали партийной работе. И сами все понимаете. Сейчас очень важно, чтобы вы заняли правильную позицию. Я вас не тороплю. Подумайте, вспомните каждую деталь, каждую мелочь. Иногда человек может долго помнить, но может и быстро забыть... Сам не хочешь, а вдруг забудешь. Понимаете?

– Но я ничего не забыл.

* * *

В дверь постучали и открыли без спроса, Бестужев увидел широкоплечего крупного мужчину лет сорока пяти в сером шерстяном пиджаке и синих брюках. Лицо приятное, с твердым волевым подбородком, густые русые волосы, зачесанные назад, но это лицо было напряженным, словно окаменевшим, голубые глаза смотрели с настороженным интере-

сом. Мужчина молча кивнул Орлову, сделал несколько шагов вперед и остановился, разглядывая старшего референта. Бестужев не отвел взгляда, он смотрел на Колодного снизу вверх и понимал, что прибыл какой-то начальник, от этого человека зависит нечто важное.

– Прошу прощения за опоздание, – сказал Колодный. – Из больницы позвонили, просили собрать и прислать с водителем кое-какие вещи. Ну, для супруги. Вы давно начали?

– Часа-полтора. Бумаги на столе.

Колодный присел к столу, прочитал анонимку, а затем записи, сделанные в приемной КГБ и здесь, на квартире. Иногда он хмурился и покачивал головой. Посидел некоторое время молча, снова заглянул в записи и сказал:

– Послушайте, Бестужев. Я сюда ехал и думал, что мы с вами сможем как-то по-хорошему, по-человечески все решить. Но, очевидно, ошибся. От вашей истории за километр воняет враньем. Низкопробным дешевым враньем.

– Вам виднее, – сказал Бестужев. – Но я не врал.

– Да, мне виднее. Вы бумажная душа. Целыми днями перебираете кляузы и лживые анонимки, а я работаю с людьми. И умею отличать правду от лжи. Возможно, вся эта история, ваш рассказ, в общем и целом, соответствует действительности. Но в главном вы соврали. Или недоговариваете, – а это та же ложь. Я здесь, чтобы узнать правду. Вспоминайте то, о чем не успели рассказать.

– Я в партии пятнадцать лет, – сказал Бестужев, чувствуя,

что голос дрожит. – И работаю не в детском саду, а в КПК...

Колодный махнул рукой.

– Хватит языком трепать. Мы не на партсобрании. Аудитории вокруг нет. И тебе не перед кем выделяться. Вспоминай. Или я тебе помогу.

– Слушай, полегче...

Показывая решимость действовать, Колодный поднялся, скинул и повесил на спинку стула пиджак. Медленно растегнул манжеты, засучил рукава рубашки. Бестужев с беспокойством наблюдал эти зловещие приготовления, и ободрял себя мыслями, что это лишь спектакль, рассчитанный на девиц со слабыми нервами. Психологическое давление. Ни один гэбэшный чин, даже генерал, не посмеет его и пальцем тронуть. Завтра же придется идти к Пельше и воспроизвести эту возмутительную историю в лицах. Старик позвонит в КГБ и устроит такой скандал, что тошно станет, звон по всей Москве пойдет.

Впрочем, завтра воскресенье... Он успел додумать мысль, когда кулак с разгона ударил в ухо, шаткий стул опрокинулся. Оказавшись на полу, Бестужев хотел подняться, но получил под ребра и не смог сдержать стон. Брыкнув ногой, повалил лампу, стоявшую у дивана, поднялся на колени, но после крепкого удара снова оказался на полу.

Колодный сделал два шага назад, скрестил руки на груди, дожидаясь, когда этот бумажный червяк снова сядет на стул. Но Бестужев лежал на полу и не хотел подниматься. Не

дождавшись, Колодный поставил стул на прежнее место и, протянув руку, помог референту встать на ноги.

– Что, голова кружится? Тут воды нет?

Глава 5

Бестужев выпил большую чашку воды и пришел в себя после нокаута. Он увидел темные пятна на полу, но не сразу сообразил, что это его кровь. Только сейчас почему-то почувствовал во рту ее вкус. Кровь сочилась из разбитой губы и носа, попадала в рот. Он подумал, что спасение только одно – выбраться из комнаты, выскочив в коридор, а там дверь рядом. Тут квартира, а не пыточное подземелье, наверняка замок не слишком сложный. Главное, – внезапность, неожиданность. Можно оказаться на лестнице, когда его мучители еще опомниться не успеют, не зря же он всю жизнь занимается физкультурой...

– Не буду канителиться до утра, – пообещал Колодный. – Давай все кончим поскорее. У тебя минута, чтобы вспомнить человека, который передал анонимку. Я хочу знать его имя.

– В объяснительной изложено все, как было, – Бестужеву больше не хотелось спорить, но оговаривать себя он не смог. – Поверьте, анонимка была в папке, куда обычно попадают письма с мест. Пельше любит читать...

– Я приехал сюда поговорить с тобой по-хорошему. Как с нормальным человеком. А ты, тварь, дым в жопу гонишь...

Колодный высоко поднял ногу и пнул Бестужева подметкой ботинка в грудь. Тот, не ожидавший такого поворота, опрокинулся спиной назад, больно ударился затылком о дос-

ки пола. Но тут же вскочил, словно подброшенный пружиной, еще плохо соображая, бросился вперед, плечом влетел в Колодного, столкнув его с дороги. Пинком ноги распахнул дверь. Выскочив в полутемный пустой коридор, ринулся вперед, наткнулся на вешалку с пальто и куртками, стоявшую на дороге, повалил ее, чуть не упал, запутавшись ногами в одежде.

Он чуть не лбом въехал во входную дверь, обитую изнутри дерматином, сбросил цепочку и, повернув замок, потянул на себя ручку, но открыть почему-то не получилось. Он снова повернул замок, но не успел дернуть дверь, кто-то, подскочив сзади, ударил кулаком по шее, подсек ноги. Бестужев, растянувшись на полу, попытался встать в отчаянной попытке все-таки добраться до двери, но кто-то склонился над ним, тяжелые удары справа и слева оглушили, не дали разглядеть, что происходит. Кто-то крикнул: дайте наручники. Его перевернули лицом вниз, вывернули руки, щелкнули браслеты.

Когда загорелся верхний свет, он почему-то опять оказался возле поваленной вешалки с одеждой, стал хвататься за вещи, когда его за ноги поволокли обратно в комнату. Начальник, в рубашке с засученными рукавами, стоял в стороне, рядом были два молодых оперативника, которые дотащили его до темного угла, второй парой наручников пристегнули к трубе отопления. Он закричал, что есть силы, но захлебнулся в своем крике, когда его ударили по лицу.

Колодный, серьезный и мрачный, сидел на кухне, глядя через оконное стекло на двор и темные окна. Временами ему казалось, что он один человек во всем городе, который не спит. Тогда он делал глоток воды из стакана и прикуривал сигарету. Тишина была обманчива, она наступала лишь на минуту, но вскоре становилось слышно, как в комнате в противоположном конце коридора громко говорит, почти кричит майор Орлов, а вот ответы отсюда не слышать. Так и подмывало ворваться в комнату и тряхнуть этого референта так, чтобы из штанов выскочил и сказал хотя бы пару слов правды.

В комнате что-то загремело. Потом наступила тишина, дверь открылась, в коридор выволокли Бестужева, дотащили его до туалета, там долго возились, наручниками пристегивали его к длинной трубе между чугунным бачком, закрепленными где-то под потолком, и унитазом. В кухню вошел Орлов, сел у стола и закурил.

– Он хоть что-то сказал? – спросил Колодный.

– Он назвал имя. Маргарита Докучаева.

Колодный привстал и снова сел.

– Не ожидал, – сказал он. – На днях к ней в гости заехал. Планировал у нее прослушку установить. Значит, не напрасно. Кстати, ее покойный муж работал вместе со мной. С этой

дамой Разин в теплых отношениях. Скоро мы ей займемся. Спросите у него: кто и по какой причине пытался сжечь письмо?

Орлов поднялся и вышел. Колодный не смог усидеть на месте, он задыхался от нетерпения и злости на референта. Кажется, этот червяк верит в свою безнаказанность, валяет дурака и получает удовольствие. Но на все вопросы придется ответить. Колодный прошелся по кухне. Затем остановился, засунул руки в карманы брюк, закрыл глаза и стал раскачиваться на месте, переносил вес тела с пяток на носки и обратно, стараясь успокоиться, но без толку.

Чтобы отвлечься, он снова сел и стал думать о жене. По телефону медсестра сказала, что супруге лучше, она сама вставала в уборную и поела без посторонней помощи. А потом продиктовала длинный список мелочей, который хочет получить не сегодня, так завтра. Кажется, он все собрал и передал водителю. Но, видимо, массажную щетку забыл положить. Нет, щетку положил. Шампунь забыл. Черт, какая досада.

Возня в туалете затихла. Два оперативника, получив десятиминутный отдых, вышли покурить на лестницу. Еще одного оперативника Орлов отпустил домой, а сам вошел на кухню, и молча попил воды. Вернулся в туалет и задал референту какой-то вопрос, но, тот промолчал.

Колодный вышел в коридор, остановился пред туалетом и попросил Орлова отойти в сторону. Референт, в заляпанном

кровью желтом свитере, смотрел на него пустыми темными глазами, какие бывают у сумасшедших.

– Ну, что ты уперся, как баран? – спросил Колодный и не получил ответа. – Чего ты уперся, сукин сын? Я тебя спрашиваю...

Колодный отступил назад и, задрвав ногу, ударил Бестужева каблуком ботинка в грудь. Отступил и снова ударил в то же место, отступил и снова ударил. Бестужев плюнул кровью и захрипел.

– Ну, хватит, – сказал Колодный.

Орлов отстегнул наручники, перетащил Бестужева в коридор, он тяжело со свистом дышал, плевал кровью, из полуоткрытого рта шла розовая пена. Вернувшиеся с перекура оперативники попытались сделать массаж сердца, но стало только хуже. Минут через пять дыхание остановилось. Орлов приказал оперативникам привести себя в порядок, спуститься к машине и подождать там.

* * *

Раздевшись до пояса, Орлов умылся в ванной. На кухне он поставил чайник на огонь, достал с полки заварку и сахар.

– Сейчас позвоню в контору и сообщу дежурному офицеру, что во время допроса скончался свидетель, – сказал Орлов. – Они пришлют судмедэксперта из Лефортовского морга. Но сначала нам надо решить, при каких обстоятельствах

это случилось. Нужны две версии. Одна для родных и близких покойного. Вторая для внутреннего пользования, для начальства. Ну, по поводу второй версии и думать нечего. Иногда так выходит, что люди умирают во время допросов. Стресс, волнение... Тут все понятно. Мы сидели в комнате, разговаривали. Бестужев отвечал на вопросы, потом вдруг заволновался, пытался бежать, но был задержан в коридоре. Горлом пошла кровь. Он мог при падении нанести себе травмы. С судмедэкспертом я поговорю. Вот, собственно, и все...

– Все правильно. Так и было. Тут и мудрить нечего. Если возникнут какие-то вопросы, генерал Деев вмешается.

– С этим ясно. А что для родных и близких?

Колодный задумался на минуту:

– На кого записана квартира? – спросил он.

– Прописан некий Нифонтов, бывший охранник из нашей лесной школы. Сейчас на пенсии. Проживает на площади жены где-то под Москвой. Жена, кажется, тоже пенсионерка.

– Надо ему объяснить... Ну, что квартиру он сдавал Бестужеву. А тот использовал жилплощадь для встреч с любовницей. И прочих, так сказать, увеселительных мероприятий. В день смерти, то есть в субботу, он повздорил с этой самой любовницей... Кстати, надо ведь найти подходящую кандидатуру. Чтобы был конкретный человек, который может дать показания милиции.

– Это не проблема, – сказал Орлов. – Есть одна дамочка из нештатной агентуры. Можно с ней поговорить, премию ей

выписать. За труды.

– Похоже, тут случилась типичная городская драма, – продолжил Колодный. – Женщина нервничала, изводила его упреками: когда ты уйдешь из семьи, мне нужен законный брак... Ты тряпка, ты хочешь, чтобы я все сама решила. А я покончу с собой, я отравлюсь и так далее. Любовники серьезно повздорили, она ушла. Бестужев с горя отправился за бутылкой. На улице его избili неизвестные. Просто из хулиганских побуждений.

– Да, в этом районе такое случается, – кивнул Орлов. – Хулиганья много.

– Отсюда у потерпевшего следы побоев, кровоизлияния, – Колодный первый раз позволил себе что-то похожее на улыбку, представив, как уличные хулиганы метелят беднягу Бестужева. – После инцидента он вернулся в съемное жилье. И, так сказать, свел счеты... Сделал из бельевой веревки удавку. Один конец закрепил на трубе в туалете, накинул скользкую петлю на шею, сел на унитаз. И всех дел... Или лучше так: скончался от побоев, которые нанесли ему граждане, неустановленные следствием. Тут одно из двух, на выбор. Надо с судмедэкспертом осторожно обсудить эту тему.

Они выпили чаю с сахаром, Орлов позвонил дежурному офицеру и сообщил, что свидетель внезапно скончался на допросе. Затем, отказавшись от помощи Колодного, стал копать в коридоре, снял с тела Бестужева рваную майку, протер грудь, шею и лицо мокрым полотенцем, смывая следы

крови. Натянул через голову желтый свитер, затем брюки и ботинки. Расчесал волосы и остался доволен. Колодный вышел посмотреть и сказал, что мертвый референт выглядит гораздо симпатичнее живого.

* * *

После приезда судмедэксперта и лаборанта, Колодный пригласил Орлова посидеть в своей «волге» и выпить по глотку. Спустились вниз, Колодный достал из багажника бутылку импортного рома и сухое печенье. Они устроились в салоне, послушали выпуск ночных новостей, выпили по сто пятьдесят, потом добавили еще немного. Прошел уже час, как судебный эксперт с лаборантом поднялись в квартиру, но обратно не выходили. Стало заметно, как темнота ночи меняет цвет, небо становится темно-серым, скоро появятся первые прохожие. Колодный мог ехать домой, ему было нечего тут делать, но спешить не хотелось. В это утро он пребывал в самом мрачном настроении, но ром сделал свое дело, морщины на лбу разгладились, а голос сделался спокойным.

– Наша контора из боевой машины незаметно превращается в бумажную пирамиду, – изрек он. – Мы обросли целой армией бюрократов, золотыми мальчиками, которые идут к нам, чтобы поехать за границу, в богатую капиталистическую страну. Теперь чихнуть нельзя, не согласовав этот чих у

десяти разных начальников. Результат нашей работы не конкретные дела, а рапорты, донесения стукачей, расшифровки допросов и телефонных разговоров. Эту макулатуру никто не читает, хотя мы наняли тысячу аналитиков, бывших оперативников или агентов из зарубежных резидентур в звании полковников, даже генералов. Но для них аналитика – темный лес, а по деньгам – добрая прибавка к персональной пенсии. Они просиживают на работе свои восемь часов и не понимают, чем заняться. От скуки отвечают на телефонные звонки или выносят мусор. И всех это устраивает.

– Ну, не всех... Есть же Андропов. Пока он жив, КГБ будет развиваться. Говорят, если умрет Брежнев, Андропов займет его место.

– У Андропова и сейчас реальной власти больше, чем у Брежнева. Зачем ему лишняя канитель со стариками из Политбюро? Он полгода проводит в больнице. В обнимку с аппаратом гемодиализа.

– Иван Андреевич, вы знаете, кто написал письмо? – спросил Орлов.

– Скажу... Только не забывай: ты об этом не спрашивал, а я не отвечал. Итак, ты хочешь знать: Разин написал или не он? Мой ответ – не он. Разин не мог знать того, что знает автор письма. Я догадываюсь, почти уверен, кто автор. Это один американец, долгое время он работал на нас. Но загвоздка в том, что этот парень, по официальной информации, пару-тройку месяцев назад погиб. Разбился на маши-

не. А потом, после катастрофы, целый месяц в речке плавал. Разин того человека не знал, никогда с ним не встречался. Значит, существует еще один человек, который привез письмо в Москву и пытался выйти на Пельше. Мы его найдем. Надеюсь, Маргарита нам поможет.

– Автор анонимки и вас оговаривает, и генерала Деева...

Колодный плеснул в стаканчик рома и протянул Орлову, тот выпил и захрустел сухим печеньем.

– В анонимке нет обвинений в мой адрес, – сказал Колодный. – Я не увидел там ни своей фамилии, ни генерала Деева. А то, что наговорил этот клерк, – просто бред нездорового человека. Видимо, этот малый злоупотреблял алкоголем. Дело зашло так далеко, что наметились необратимые изменения психики. Всерьез эту анонимку никто не воспримет. Какой-то огарок из печки без начала и конца. Просмотрят по диагонали и спишут в архив. Да, во время допроса я представился и показал Бестужеву удостоверение. Он запомнил фамилию и стал склонять ее на разные лады, проклиная и обвиняя меня во всех смертных грехах... А потом бросился с кулаками. Пытался бежать. Трое оперативников едва остановили. Ведь так было дело?

– Да, именно так.

Они сидели до тех пор, пока из арки не вышел пожилой мужчина в длинном пальто и молодой человек с чемоданчиком. Орлов подошел к ним, коротко переговорил и вернулся.

– Все в порядке, – сказал он. – Можно по домам. Скоро

пришлют машину, увезут тело. И свяжутся с семьей покойного.

– Чего он сказал по делу?

– Судя по первичному осмотру, смерть ненасильственная. Видимо, сердце было слабое.

* * *

Обыск в квартире Маргариты Докучаевой провели спустя четыре дня после смерти референта Бестужева. Колодный приехал, когда техники уже вскрыли замок и обыскали полквартиры. Он прошелся по комнатам и кухне, надеясь наткнуться на пишущую машинку. Заглянул в шкафы, тумбочки, залез на антресоли, но ничего интересного не нашел. Только ненадолго задержал взгляд на книжном шкафу, где стояли «Доктор Живаго» Пастернака, «Лолита» Набокова или еще какая-то запрещенная литература.

Он вышел на балкон с сигаретой, стоял и думал. Вот уже две недели, как его докладная записка, где он просит установить прослушку квартиры Докучаевой, лежит на столе начальника соответствующей группы. И будет там лежать еще пару недель, хоть до Нового года. Получив эту бумагу, из главка позвонили Колодному и сказали, что телефон будет поставлен на прослушку в течении трех дней. А вот квартира... Чтобы выполнить операцию, техникам нужна верхняя квартира, а там, как на зло ремонт, работают маляры, и хо-

зыева все время дома.

А ведь все могло сложиться иначе, если бы не ремонт, не эти хозяева... Он еще постоял на балконе и уехал, решив не дожидаться Виктора Орлова. Все равно сегодняшний обыск – это пустая потеря времени.

Глава 6

К ночи раздался звонок из первого главного управления КГБ, офицер сказал, что завтра в первой половине Разин хочет видеть генерал Павел Ильич Деев. Разин записал незнакомый адрес на пачке сигарет и положил трубку.

На следующее утро он доехал на метро до станции Площадь Ногина, прошел вниз по Старой площади, проехал пару остановок на троллейбусе. Поплутав по лабиринтам переулков, сбился с дороги и, сделав лишний крюк, все-таки оказался перед старым домом, на подъезде которого висела неприметная табличка с золотыми буквами Трансэнергоэкспорт, под ней – решетка переговорного устройства и кнопка, похожая на квартирный звонок.

Переулок оказался тихим, движения почти не было. В десяти метрах от подъезда стояли «жигули» девятой модели, в салоне скучали два крепких парня. Загудел зуммер, огромная дверь приоткрылась. Разин оказался в полумраке подъезда, лестница наверх загорожена деревянными щитами так, что ей нельзя пользоваться. Налево деревянная дверь, пыльная, будто ее не открывали уже полвека, без ручки и без номера. Направо дверь новая, обитая дерматином, на стене такое же переговорное устройство с кнопкой.

Открыл мужчина в скромном костюме, он пропустил гостя в прихожую, полутемную, с высоким потолком. Сел за

стол, проверил паспорт и служебное удостоверение, что-то записал в журнале с пустыми незаполненными страницами и протянул самописку, расписаться. Если судить по этой амбарной книге, Разин тут второй посетитель за неделю. Появился другой мужчина, он попросил гостя поднять руки, быстро провел личный обыск и попросил оставить здесь на вахте ручку фирмы «Вотерман», похожую на холодное оружие.

Они прошли по коридору с дверями направо и налево. Наверное, когда-то здесь размещался доходный дом или гостиница, апартаменты для купцов первой и второй гильдии, не ниже. Кабинет генерала Деева напоминал жилую комнату, здесь был эркерный балкон с армированными стеклами, двойные портьеры. Кроме рабочего стола и стола для посетителей японский телевизор, мягкая мебель с диваном и даже бар, стилизованный под деревянный глобус на колесиках.

Генерал, моложавый и стройный, легко поднялся из-за стола, раскрыл объятъя, словно целый век ждал блудного сына из заграницы и вот момент настал. От Деева пахло французским одеколоном и американскими сигаретами. Он был одет в темно-серый сшитый на заказ костюм, замшевые мокасины, белую рубашку и бордовый галстук. Он отступил на шаг, посмотрел в глаза гостя и выдохнул:

– Ты не меняешься. Даже помолодел. Сбросил вес и вообще... Цветешь.

Разин в ответ выдавил из себя такой же убогий компли-

мент.

– Но до вас мне далеко.

Деев вернулся к столу, нажал кнопку переговорного устройства, попросил принести кофе. Усадил Разина не за стол для посетителей, а на диван вроде того, что стоял в кабинете Колодного, только побольше и помягче, сам сел напротив в кресло с прямой спинкой и деревянными подлокотниками и стал разглядывать Разина, будто и вправду сощурился. Потом, насмотревшись, сказал, что после известной потасовки Разин выглядит мужественным парнем, потому что пара лишних шрамов мужчине не испортят.

– Да, слышал о твоих ресторанных похождениях, – Деев на минуту нахмурился. – Вот тебе один совет. За него даже десяти копеек не возьму. В Москве полтора десятка приличных ресторанов. И ты хорошо знаешь, как они называются. Все остальное – ниже ватерлинии. У меня правило простое: или я хожу в нормальное заведение, или сижу дома.

– Теперь это станет и моим правилом, – улыбнулся Разин.

* * *

Деев помолчал и перешел к лирической части разговора. Сказал, что вечно ждет из-за границы разведчика-нелегала, как, наверное, отцы ждали с фронта своих сыновей. Но нелегальная работа опаснее фронта, потому что никогда не знаешь, где враги, а где друзья. Собственно, нет и самой линии

фронта, а окопы холодной войны ничем не лучше настоящих фронтовых промерзших окопов полного профиля, в которых дрались и умирали фронтовики, наши отцы. При упоминании отцов, войны и окопов, он вытащил носовой платок, промокнул сухие веки, высморкался и долго кашлял. Казалось, его закаленную душу вот-вот разорвут рыдания, но генерал с усилием сдержался.

– Я, вообще-то, хотел дожидаться первого настоящего тепла и вытащить тебя на дачу, на шашлыки. Там бы мы поболтали, как друзья. Помнишь, как последний раз посидели? Вечер, костер в лесу. Сосны, ветерок. Но до тепла еще далеко. Ладно, давай к делу. Случилась серьезная история. Один гражданин, референт или помощник, – точно не помню, – председателя Комитета партийного контроля, принес к нам в общественную приемную гнусную анонимку. Он утверждал, что это письмо нашел на столе председателя КПК Арвида Яновича Пельше. Короче, там написано, что сотрудники ПГУ КГБ через своих агентов продают за границей произведения искусства из Гохрана. И большую часть выручки присваивают. Аноним подкрепляет выводы примерами. Восемь страниц этого опуса занимает перечень драгоценностей, которые мы якобы вывезли и продали. По мнению анонима, – за гроши...

– В том списке есть вещи, которые проходили через меня?

– Твоих там нет.

Деев смотрел в глаза Разину, будто хотел прочитать в них

нечто важное.

– Написал анонимку матерый враг, – продолжил он. – Он точно знал, куда ударить побольнее. Если на самом верху решат начать проверку, нам придется долго отписываться. Правда на нашей стороне. Но вся эта возня, эти кухонные дразги бросят тень на многих агентов-нелегалов. Это же им, как нож в спину. С этими ювелирными безделушками, цена которых точно никому не известна, легко придраться к мелочам. И раздуть целую историю.

– Автор кто-то из наших?

– Не знаю. Кто писал, пока не установили. Но знаем, кто подсунил письмо Пельше. Ты не поверишь. Наша общая знакомая Маргарита Докучаева.

– Маргарита? – Разин широко раскрыл глаза. – Она на такое не способна.

– Это установлено следствием. Ее покойный муж Костя в гробу перевернется от стыда. Некогда она работала в аппарате КПК. И иногда заходила поболтать со старыми подружками.

Деев подался вперед, наклонился, даже шею вытянул и прошипел:

– Вот же сучка.

– Ну вы меня огорошили, – Разин придвинул пепельницу и закурил. – А что она сама говорит?

– Она что говорит? – Деев пожал плечами. – Что скажет женщина... Много эмоций, мало смысла.

– А что референт?

– Он ничего не знает. Честный малый. Просто передал письмо в госбезопасность. Ты же виделся с Маргаритой после возвращения?

– Она вдова моего друга. После командировок всегда к ней заезжаю. Посидели, поболтали...

– Это хорошо, что ты друзей не забываешь. Хорошо это.

– Кстати, о друзьях. В Нью-Йорке я работал с Павлом Ткачуком. Месяца четыре назад его отозвали в Москву. Перед отлетом он мне не позвонил. Хотя я должен был через него кое-что жене передать. Он не оставил записки. И в Москве в его квартире на звонки никто не отвечает. У него ведь жена и ребенок. Вы не знаете, где он сейчас?

– Ткачук? – Деев наморщил лоб, будто не мог вспомнить этого человека. – Тот связной... Его временно у нас забрали. Кажется, у него задание, как-то связанное с Турцией. И семья тоже там. Подробностей не знаю. Слышал только, что через год он вернется. С хорошим загаром и кучей сувениров.

Деев замолчал, когда без стука вошел дядька лет сорока, поздоровался, поставил на стол поднос с фарфоровым кофейником, чашками и сахарницей. Ушел и вскоре вернулся с вазочкой печенья и коробкой конфет «Мишка в шоколаде».

Деев проводил дядьку взглядом и сменил тему разговора. Сказал, что женщин больше на работе не держит, после неприятной истории с секретаршей, когда особа, не слишком

интересная и совсем не молодая, каким-то образом сошлась с французским дипломатом, это сожительство продолжалось три месяца перед тем, как узнали на работе, да и то случайно. Француз поспешил срочно уехать во избежание крупных неприятностей, а с дамочкой контрразведка возилась полгода, стараясь определить, что она разболтала. Еще Деев сказал, что сидеть в каком-нибудь подставном офисе, вроде этого, значительно удобнее, чем на площади Дзержинского или в Ясенево. Во-первых, от начальства далеко, во-вторых, людям вроде Разина, нелегальным резидентам, удобнее приезжать сюда, а не светиться лишний раз в конторе. Правда, в Ясенево у него тоже есть каморка.

Деев налил кофе, гостю и себе, съел «Мишку в шоколаде» и сказал, что читал все докладные записки, составленные Разиным по поводу той заварухи, случившейся в Нью-Йорке, и может сказать только одно: молодец, что проявил мужество и, самое главное, остался в живых, потому что верный сын отечества ему, то есть этому отечеству, еще понадобится. Деев и дальше был готов болтать высокопарную чепуху, но, наверное, язык устал.

* * *

Он выдержал паузу и сказал:

– Вообще-то я тебя пригласил, чтобы извиниться за то дикое происшествие с полиграфом. Сама машина была не в

порядке. А местная охрана дала волю эмоциям, затеяла эту возню, ну, сам все знаешь... Тебя несправедливо обвинили чуть ли не в государственной измене. Кстати, в ЦРУ, если сотрудник не прошел проверку на полиграфе, его увольняют. Просто и ясно. Никаких дополнительных проверок не проводит. Просто увольнение. И больше никаких санкций. Ну, ты понимаешь: даже если бы ты не прошел проверку, те парни не имели права с тобой так разговаривать, опускаться до оскорблений, тем более побоев и даже оружия. Полиграф – не истина в последней инстанции. Не прокурор и не судья. Это всего лишь коробка с полупроводниками, конденсаторами и прочими радиодеталями. Парни получили по «строгачу». На год-другой их отстранят и отправят в провинцию. Да, на перевоспитание. Может быть, там научатся вежливости.

– Я не в обиде, Павел Ильич. Может быть, на их месте я и сам бы не сдержался.

– Ну, а теперь хорошая новость. Как ты знаешь, заканчивается твоя проверка, которая была скорее обязательной формальностью. Итог простой и ясный: тебе доверяют. Так вот, есть решение представить тебя к высокой правительственной награде, – Деев сделал глоток кофе. – Считай, что Орден Боевого Красного Знамени уже твой. Это без вопросов. Никто возражать не станет, и Андропов поддержит. Не хочу тебя хвалить – в профилактических целях, ну, чтобы не зазнался. Но еще раз повторю: ты молодец...

– Спасибо, – сказал Разин. – Приятно слышать хорошие слова.

– И еще одна важная новость: мне сообщили, что следствие по делу об убийстве Танечки идет к концу. Нашли женщину, свидетельницу того, как незадолго до нового года во дворе жилого дома твою жену избили и затолкали в машину. Потом вывезли за город... И там убийца расправился с ней. Так вот: его нашли. Это уголовник с длинным послужным списком. Этот подонок был убит нашими оперативниками при задержании. Все доказательства, самые твердые, неоспоримые, – собраны. Оперативники передали материалы в наше следственное управление. Следователи вслед еще раз опросят свидетелей, проверят доказательную базу... Хотя уже ясно, что и как.

– Кто он, как зовут?

– Некий Константин Бортник, криминальный авторитет. Он втерся в доверие Татьяны. Видимо, тянул с нее деньги, но все казалось мало. У тебя после возвращения обнаружилось немало кредиторов. Знаю, что ты отдавал долги покойной жены. А раньше она ни у кого копейки не занимала. Точнее, она всегда была готова дать в долг любую сумму. Короче, Бортник понял, что все зашло слишком далеко... Спасая свою шкуру, пошел на убийство. Жаль, что подонок не дождал до суда. Хотя, собаке – собачья смерть. А суды в наше время слишком гуманны.

– Что их связывало, я не понимаю? Ну, Татьяну и этого

Бортника?

– Старина, не пытай меня. Я выложил все, что знаю. Но, сам понимаешь, пока следствие не закончено, я вообще не имел права трогать эту тему. Подожди немного, и узнаешь все подробности. Главное, что вина Бортника полностью доказана. Когда наши оперативники обложили дом, где он прятался, Бортник пытался бежать. Он не расставался со стволом, отстреливался. Да... Он ведь точно знал, что по его душу придут. И был готов... Если бы он вдруг воскрес, я бы пристрелил его второй раз.

Они допили кофе и поговорили некоторое время на общие темы. Деев посмотрел на часы и сказал:

– Старина, мне пора работать. Но сначала... У тебя наверняка есть проблемы. Чем могу помочь – помогу. Давай, выкладывай начистоту. Деньги нужны?

– За мной следят день и ночь. Я все понимаю, такую проверку проходит каждый, кто... Но мне от этого не легче. Время идет, меня пасут как последнюю сволочь. Уже обращался к Колодному, он вроде хотел помочь, но ничего не меняется.

– Да, неприятно, – кивнул Деев. – Проверка это уж такая процедура, от которой удовольствия никакого. Но тут можем сделать исключение... Я завтра же разберусь с этим, не вопрос. Снимут наблюдение.

Разин поднялся, поблагодарил за кофе и уже шагнул к двери, когда Деев сказал:

– Алексей, мне пора уезжать, а ты задержись на полчаса.

Тебе покажут тихую комнату. Посиди, подумай. И составь служебную записку. Так и так, в такой-то день был у Маргариты Докучаевой в гостях. Говорили о том-то и о том-то. Хорошо?

В коридоре Разина уже ждал тот самый дядька, что приносил кофе. Он показал комнатенку с окном на улицу. Там был стол, а на нем стопка бумаги. Разин спросил, можно ли тут курить и достал ручку.

Разин покинул контору, когда уже темнело. Он долго бродил по переулкам, зашел в будку автомата и позвонил Войтеху, это был телефонный номер, которым пользовалась многие сотрудники. Когда Войтех подошел, Разин сказал:

– Кажется, дружище, тебе пора в отпуск. Съезди и отдохни. Но только не торопись. В запасе у тебя неделя.

– Вы не туда попали, товарищ.

Глава 7

В это утро Разин, собиравшийся на незапланированную встречу с помощником прокурора Глебом Борецким, проснулся с тяжелым сердцем. Позавчера Борецкий позволил ему домой, хриплым пьяным голосом спросил какую-то женщину и повесил трубку. Значит, что-то поменялось на самом верху, и сегодня они снова должны встретятся на Чистых прудах. Разин стоял под душем и думал о том, что, возможно, сегодня последний день, когда он дышит чистым воздухом свободы. Если Борецкий после колебаний, сомнений и парочки бессонных ночей вышел на КГБ и составил заявление, – а в бумажном жанре он крупный специалист, – то Разина возьмут сегодня, в ту минуту, когда он подойдет к черной прокурорской машине.

Он вышел из дома, прихватив мелочь, и всю первую половину дня провел в разъездах по Москве, но не на машине, а общественным транспортом, делая вид, что поглощен хлопотами о ремонте. В сопровождении было задействовано не меньше полутора десятков оперативников, которые, меняясь на улицах и в метро, вели его и передавали друг другу по цепочке, будто драгоценный кубок. Он побывал в парочке хозяйственных магазинов, купил несколько электрических розеток и выключателей и узнал, когда завезут кабель.

В магазине «Обои» на Профсоюзной улице в продажу вы-

бросили симпатичные образцы производства ГДР, но к появлению Разина очередь уже выползла из магазина и стала быстро удлиняться. Число будущих покупателей давно перевалило за сотню, Разин все-таки решился встать за женщиной в приметном зеленом пальто. А затем отошел на пару минут, завернул за угол, и быстрым шагом направился в сторону метро. В тесноте и сутолоке перехода на станции Площадь Ногина оперативники потеряли его.

Без четверти час он вышел в город из метро Кировская, залюбовался памятником Грибоедову и прошелся по бульвару под слабым морозящим дождичком, останавливаясь возле витрин с газетами. Он увидел, как черная прокурорская машина подъехала и остановилась на старом месте. Разин повернул обратно, перешел улицу, оказался возле билетных касс театра «Современник», постоял, поглядывая на часы, будто хотел выкупить заказанные билеты. Снова спустился на тротуар и пошел обратно к метро, свернул в переулок и бесцельно побродил еще минут десять, окончательно убедившись, что его никто не сопровождает.

Он перешел проезжую часть, свернул направо и остановился в двадцати метрах от черной прокурорской «волги», делая вид, что смотрит на часы. Затем подошел к машине, открыл заднюю дверцу. Мужчина, сидевший на другом краю дивана, кивнул. Разин забрался внутрь и поставил сумку на колени.

– Простите, что опоздал. Меня пасут очень плотно. С каж-

дым днем все труднее оторваться.

– Я отпустил водителя на час. А пока ждал, почитал американский детектив. Мое время попусту не пропадает.

Разин обвел взглядом салон машины.

– Не беспокойтесь, здесь можно разговаривать, – сказал Борецкий.

– Лучше пройдемся. Отличная погода.

Борецкий подхватил шляпу. Они перешли дорогу и оказались на аллее, пустой и серой. Как и в прошлый раз, дул ветер, снова собирался дождик.

– Когда-то здесь я гулял с девушкой, – вздохнув, сказал Борецкий. – Она была старше на год. И, кажется, никогда не воспринимала меня всерьез. Но ходила со мной гулять и ждала, когда я наберусь смелости и ее поцелую. Я жил на Фрунзенской. А она жила тут недалеко. Я доезжал до метро Кировская. Мы бродили и разговаривали о пустяках или планы строили... Она была красивой девушкой из хорошей семьи. На нее заглядывались взрослые мужчины. Не верится, что все это было со мной. Смелости я так и не набрался... Посмотрела бы она на меня сейчас: старый бюрократ в очках и шляпе.

– И у меня была похожая история, – засмеялся Разин. – Я тоже гулял с девушкой, на которую заглядывались взрослые дяди. И, разумеется, у нас ничего не получилось. Только гуляли мы не здесь, в Сокольниках.

– Лирическое отступление закончено, теперь к делу, –

сказал Борецкий. – Не буду вас долго томить. Передайте Платту, что есть добрая новость. Генеральный еще раз внимательно изучил материалы. Плюс несколько экспертных заключений о ценности того или иного изделия и его фотографии. Я говорил Платту, когда мы встречались последний раз, что у начальства возникнет интерес к этим фактам.

– Почему, что изменилось?

– Не знаю. Но прокурор принимает решения самостоятельно. Не слушает советов. Если эти советы не исходят от первых лиц страны. Он чувствует обстановку и знает, когда делать ход. Я ждал этого решения, но, честно говоря, полной уверенности не было. И вас не хотелось авансом обнадеживать.

– Значит, лед тронулся...

– Теперь я чувствую азарт, – Борецкий потер ладони. – Ну, будто я на утиной охоте, осень, холодно, рассвет, я сижу в лодке... Подсадная готова. Ожидание затягивается... И вот-вот из-за камышей появятся утки. Это такое чувство, не описать словами. Вы охотились когда-нибудь?

– В основном охотились на меня, – ответил Разин.

– И каковы результаты? – усмехнулся Борецкий.

– Для охотников – не слишком хорошие. Я жив и пока еще на свободе. Но везение может кончиться.

– Ну уж нет. Надеюсь, что профессиональная осторожность вас не подведет, – улыбнулся Борецкий. – Так вот, в моем присутствии мой начальник передал материалы следо-

вателю по особо важным делам Леониду Ушакову. Это относительно молодой человек, ему всего сорок четыре. Энергичный, с опытом. Он проведет проверку. Все предосторожности будут соблюдены. По итогам будет принято процессуальное решение. Если факты в целом подтвердятся... Ушаков знает, кто вы, ваш телефон и адрес. Но, разумеется, беспокоить не будет. Если возникнут срочные вопросы, сами звоните из автомата после полудня, он будет ждать новостей.

– Что я могу сделать полезного, чем-то помочь?

– Надо подкрепить заявление фактическими материалами. Вы ведь понимаете, когда делу будет дан ход, это будет не просто расследование о злоупотреблениях в конторе, это будет взрыв атомной бомбы. Надо, чтобы доказательная база была железной.

– Что от меня требуется?

– Платт говорил, что у него собран архив. И в нем материалы об изделиях, которые он получал в последние годы. Контора передавала ему, скажем, дорогое ювелирное украшение или иконы, обозначила продажную сумму. Эта цена была гораздо ниже рыночной или аукционной. Желательно, чтобы хотя бы некоторые факты были подтверждены актами экспертизы. Короче: для начала нам нужен архив экспертных заключений. И, желательно, хотя бы несколько изделий, полученных Платтом из конторы, и еще не проданных. Он говорил, что это можно устроить.

– Платт хотел приехать в Москву, как только что-то сдви-

нется. Он готов дать показания, пояснения. Ему есть, что рассказать.

– Он смелый человек. Спросите, когда его можно ждать. Мы в первое время не сможем предоставить охрану. По приезде организуем его встречи со мной и Ушаковым, но не в здании Генпрокуратуры на Петровке, а где-нибудь на частной квартире. Платт даст показания, которые будут записаны на бумаге и на диктофон. Эти встречи отнимут, может быть, пару недель. Тогда можно будет все оформить, как надо, идти к прокурору и ходатайствовать о возбуждении уголовного дела. Потом наберутся новые вопросы, будут назначены новые встречи. Звоните, как только появятся новости.

Борецкий остановился, попрощался и зашагал в обратную сторону. Разин побродил еще минут десять, сел на лавочку, залез в хозяйственную сумку, вытащил металлическую фляжку, наполненную коньяком. Он отвинтил крышку, сделал пару глотков и подумал, что пошло в самый раз.

В письме Разина, которое Войтех отправил в Варшаву, было сказано, что помощник Генпрокурора Борецкий производит противоречивое впечатление. С одной стороны он, кажется, спокойным и рассудительным, но заметно, что он нервничает.

Во время первой встречи Борецкий сказал, что к встрече с Платтом пока не готов по объективным причинам. Якобы начинать атаку на КГБ сейчас не ко времени и просил взять тайм-аут. Но сейчас передумал. Встретился и сообщил, что в

Генпрокуратуре готовы начать проверку фактов. Разин сказал Борецкому, что общий друг скоро придет.

Глава 8

О директоре детского садика Анне Николаевне Юткевич все-таки вспомнили. Ей на работу позвонил мужчина с приятным голосом, представился майором госбезопасности Виктором Орловым. Он тепло поздоровался, будто они были давно знакомы, и сказал, что гражданке Юткевич надо одеться и минут через двадцать выйти на улицу, к детскому садикау подъедет машина, черная «волга», водитель все объяснит, скажет, куда они отправятся, потому что по телефону говорить об этом не следует. И действительно, подъехала машина, водитель, немолодой дядька, сказал, что отвезет Юткевич в судебный морг, а все остальное она узнает уже на месте.

Волнение и тревога съедали Анну Николаевну всю дорогу, она старалась представить, что ждет ее в том мрачном учреждении. В моргах она еще не бывала и не горела желанием там очутиться даже с познавательными целями. Умевшая мыслить логически Анна Николаевна быстро схватила суть проблемы, решив, что с места сдвинулось та безобразная история, свидетелем которой она стала. Милиционер с Петровки предупредил, что ее могут побеспокоить из КГБ. Значит, все кончилось плохо: ту несчастную женщину все-таки убили, сыщики нашли тело и теперь... О том, что предстоит увидеть, что вскорости случится, Анне Николаевне ду-

мать не хотелось, но пришлось, потому что ничего другое просто в голову не лезло.

Морг занимал кирпичное здание в два этажа, вокруг был небольшой парк, запущенный и неухоженный, по периметру отгороженный кованной оградой от улицы и ближних дворов. У крыльца ее встретил мужчина приятной наружности, чисто выбритый и причесанный так, будто только что вышел из парикмахерской, где делают модельные стрижки. Темный пиджак был выглажен, пахло хорошими сигаретами и дорогим одеколоном. Мужчина представился майором госбезопасности Виктором Орловым, показал служебное удостоверение с фотографией и по-мужски сдержанно улыбнулся, эта случайная улыбка выдала его прекрасное настроение, хоть оно, это настроение, никак не вязалось с этим скорбным местом и с предстоящей процедурой опознания.

Он поддерживал Анну Николаевну под локоть, когда они поднимались по ступеням на высокое крыльцо, потом шли светлым коридором, спустились в подвал, свернули в первую от лестницы комнату и оказавшись в небольшом врачебном кабинете. Орлов помог снять пальто и усадил ее на стул, сам сел за письменный стол, потому что другого места не осталось, и сказал, что он прочел показания, снятые с Анны Николаевны в Главном управлении внутренних дел. Открыл папку, погладил ладонью исписанный листок и снова неожиданно улыбнулся.

– Сегодня я попрошу вас выполнить свой гражданский

долг, – сказал Орлов. – Вы взрослый человек и наверняка обо всем уже догадались. Знаете причину, по которой я вас вызвал, то есть попросил приехать... Сейчас мы пройдем, собственно, в прозекторскую, и там в присутствии понятых вам будет предъявлено тело... Не хочу забегать вперед. Вы посмотрите и скажете, когда, где и при каких обстоятельствах имели счастье, – в этом месте Орлов снова улыбнулся, – видеть этого, так сказать, субъекта. Свеженького. Еще не похожего на замороженную курицу. Вскрытия не делали, поэтому ваша задача облегчится.

Анна Николаевна сама улыбнулась в ответ, сообразив, что та несчастная женщина наверняка жива, а вот грубиян, распускаявший руки, совсем даже наоборот, скончался не по своей воле, не дожив до старости, – туда ему и дорога. Все-таки бог на свете есть... Орлов зачитал выдержки из показаний, которые Анна Николаевна давала на Петровке, когда встречалась с майором милиции Судаковым, и спросил, все ли верно записано. Если есть, что добавить, можно будет составить дополнительный протокол, но не сейчас, позже, много времени это не займет, без бумаготворчества в наше время никак нельзя.

– Все верно, – кивнула Анна Николаевна, которой передалось доброе настроение. – И добавить нечего.

– Ну вот, видите, как хорошо. Тогда не будем терять время. Значит, программа такая. Сейчас вы все посмотрите. Ну, то есть вам все покажут. Подпишите протокол опознания.

А машина вас до дома отвезет. На работу возвращаться я вам запрещаю, категорически. Посидите за чаем у телевизора. Отдохните.

– За машину спасибо, я еще слабая после болезни. Но телевизор будет позже, сначала надо с собачкой погулять.

– У вас собачка? Надо же... Приятно, что после работы тебя кто-то ждет, ну, родная душа. А я только мечтаю завести. Руки не доходят... Пальто здесь повесьте, там запах неприятный. В ткань быстро впитывается. Сумочку с собой возьмите. Кабинет я запру.

* * *

Они вышли в тесный коридор, оттуда в комнату, освещенную люминесцентными лампами. Здесь на банкетке в углу сидели, тихо переговариваясь, какие-то люди. Мужчина с женщиной, оба в верхней одежде, – понятые, наверное, прямо с улицы привели. Хмурый санитар в сером халате и черной вязанной шапочке и молодой человек в шерстяном костюме. Высокий и серьезный, видимо, из госбезопасности. Под мышкой папка, ботинки начищены. Люди встали как по команде, обменялись с Орловым короткими репликами. Санитар махнул рукой, показывая, куда идти, открыл дверь, обитую железом, включил свет.

Люди один за другим робко переступили порог, оказались в ярко освещенном зале. Было довольно прохладно, под по-

толком два узких окошка с решетками, близко к ним три секционных стола серого мрамора, два пустых, на третьем теле, прикрытое простыней. Все участники действия знали, что им делать. Двое понятых встали в стороне, молодой оперативник присел за письменный стол и открыл папку. Санитар остановился у изголовья, готовый снять простыню с покойного.

Орлов подвел Анну Николаевну вплотную к секционному столу и стал держать ее под локоть, словно боялся, что женщина может почувствовать себя нехорошо. Он кивнул санитару, тот опустил простыню с головы и груди до пояса. Взглядам открылся мужчина крепкого сложения с татуировками на груди и руках. Белое, как бумага, лицо искажено гримасой боли, лоб сморщен, зубы оскалены, нижняя губа так глубоко искусана, что казалось черной. Над верхней губой темная полоска усов. Русые вьющиеся волосы на голове, наверное, при жизни были красивыми, теперь спутались, потемнели, сделавшись похожими на паклю.

Понятые отвели взгляды, женщина достала платочек и поднесла к носу, словно спасалась от нехорошего запаха. Мужчина комкал в руках меховую шапку и шмыгал носом. Анна Николаевна не испугалась. Смотреть на обнаженное мужское тело ей было неприятно и неловко, будто она подглядывала в замочную скважину, а за дверью происходило нечто непристойное.

Живот мужчины был высоким, вздутым, из середины тор-

чал синеватый пупок. Видимо, перед смертью человек плотно поел. Широкая грудь оказалась белой, почти безволосой, какой-то бабьей. Слева бледная татуировка, кажется, что это ребенок сделал рисунок шариковой ручкой. Два входных пулевых отверстия заклеили пластырем на матерчатой основе. Одно из них над правым соском, синим, похожим на сморщенную сливу, второе тоже справа, чуть ниже ребер.

Голос Орлова заставил ее вздрогнуть:

– Анна Николаевна, посмотрите на тело и постарайтесь вспомнить: этого человека вы видели? Если да, уточните: когда, где, при каких обстоятельствах?

Стало очень тихо. Анна Николаевна сделала полшага вперед, чтобы лучше разглядеть лицо. Хотя с первого взгляда, с первой секунды поняла, что произошла ошибка, этого мужчину она никогда не встречала. Взгляды присутствующих она чувствовала кожей и знала, какого ответа ждет от нее этот милейший человек Виктор Орлов.

Она покачала головой и сказала:

– Нет, этого... Этого мужчину я никогда раньше не видела.

И заметила, как изменилось лицо Орлова, будто вытянулось, как переглянулись понятия, а санитар закашлялся. Человек, сидевший за столом, бросил писанину.

– Анна Николаевна, человеческое лицо меняется после смерти, – сказал Орлов. – Бывали случаи, когда мать не узнавала покойного сына. Посмотрите внимательнее. Не торопи-

тесь.

Анна Николаевна покачала головой и повторила:

– Я не встречала этого человека.

– Мы сейчас кое-что изменим, – Орлов отошел к дверям и включил освещение под потолком и над другими столами, затем достал очки и нацепил их на нос покойного.

– Вот, так лучше будет. Очки – это важная штука, они меняют лицо. Тот гражданин в очках был?

– Да как сказать... Вроде бы без.

– Вроде или точно? Вспоминайте.

– Господи, ну, я вспоминаю. Точно, без очков.

– Впрочем, очки это всего лишь деталь. Их можно надеть, а можно снять. В тот момент, когда вы увидели этого гражданина, он очки снял. Правильно?

– Может быть, снял, – кивнула Анна Николаевна.

– Может быть или снял?

– Ну, значит, снял, если их не было.

– Хорошо, занесите в протокол, что в тот момент, когда гражданка Юткевич видела Константина Бортника, очков на нем не было.

Анна Ивановна чувствовала, как от нестерпимо яркого света стало щипать глаза, будто сильный ветер подул. Наворачивались слезы, она часто смаргивала, но это не помогало, теперь лицо покойного сделалось расплывчатым, потеряв четкие очертания.

– И еще, у него усов не было, – сказала она.

– А-а-а... Значит, вы утверждаете, что усов в то время Бортник не носил?

Анна Николаевна запуталась:

– Да, утверждаю. То есть, я не знаю, носил или нет. Но я их не видела.

– Понятно... Теперь понятно: вы усов Бортника не видели. Это надо обязательно записать, – деловито кивнул Орлов. – В день встречи гражданки Юткевич с Константином Бортником усов у него не было. Лучше так: усы были сбриты. Это правильнее. Да, Анна Николаевна, так правильно?

– Ну, наверное, правильно.

– Анна Николаевна, есть еще замечания?

– Нет, замечаний нет.

– И ладно. И хорошо. Ну, тогда давайте закругляться, товарищи. А то медикам тут еще работать, а мы мешаем. Подходите к столу и подписывайте. По старшинству. Уважаемая Анна Николаевна – вы первая. Подходите. Вот сюда...

Анна Николаевна не тронулась с места. Она подумала, что ее ловко облапошили и теперь ей подсунут бумагу, которую наскоро настрочил молодой оперативник, или составил ее заранее, и сейчас дополнил парой замечаний про очки и усы. Она забыла свою робость и сказала негромко, но ясно:

– Прошу занести в протокол, что человека, которого тут называют Константином Бортником, я никогда раньше не видела. Повторяю: никогда не видела. Ни с усами, ни без усов. Ни в очках, никак. Этот человек мне не знаком. Так и

запишите, как я говорю. Слово в слово. Иначе я ничего не подпишу. Поищите другую дур... Другую свидетельницу.

Орлов кивнул Гороху, мол, заполняй новую бумагу, чего время зря терять.

Через четверть часа Анна Николаевна снова оказалась во врачебном кабинете и надела пальто, без которого озябла.

– Подождите наверху, – рассеяно бросил ей Орлов.

Он сидел на столе и терзал телефон, раз за разом набирая один номер, но было занято.

Анна Николаевна по лестнице поднялась на первый этаж, где галерея с окнами. У входной двери оказался диванчик. Она просидела минут десять, решив, что Орлов забыл об обещании подбросить ее до дома на казенной машине, но спускаться в тот же подвал и напоминать о себе, о чем-то просить, не хотелось. Она вышла в сквер, оказалась за оградой и спросила прохожего, как добраться до метро.

Глава 9

Клавдия Захарова, заведующая производством пищевого комбината номер шесть, редко опаздывала на работу, но в этот раз задержал сантехник, который пришел не вовремя и около часа ковырялся в ванной комнате с засором в трубе.

Когда она добралась до работы и заняла место в кабинете за письменным столом, мелкие дела навалились и не дали вздохнуть почти до обеда. В полдень из проходной позвонил парнишка-охранник и сказал, что на территорию комбината только что прошли трое мужчин, все предъявили удостоверения сотрудников милиции из отдела борьбы с хищениями социалистической собственности. А еще перед воротами стоит «волга», а в машине, кажется, тоже милиционеры.

– Если новые милиционеры придут, открывать им или нет?

– Господи, не задавай дурацких вопросов, – Захарова чуть не застонала. – Конечно, открывай.

Она положила трубку, поднялась из-за стола и стала смотреть, как из-за дальнего угла соседней двухэтажной пристройки появились мужчины в штатском и направились к служебному входу. Она сорвала телефонную трубку, позвонила в цех. На счастье, подошла начальница смены. Захарова успела сказать, что пришли из ОБХСС, надо слить в канализацию заменитель пропитки для тортов, оба ведра, и

убрать маргарин в холодильник. Но начальница смены ответила, что вся пропитка уже час как в работе, маргарина не осталось, – весь ушел на крем.

Захарова выругалась и упала в кресло как раз в тот момент, когда без стука вошли двое мужчин, предъявили документы и положили на стол бумажку, ордер на обыск.

– А что, собственно, случилось? – голос Захаровой оставался твердым.

Но никто не ответил. Один мужчина открыл дверцы стенового шкафа и стал там копаться. Другой оперативник, немолодой мужчина в черном плаще, видимо, старший по группе, присел возле тумбочки, на которой стоял телевизор, открыл ее и заглянул внутрь.

– Или со мной разговаривать не полагается?

Вошли еще два оперативника, дядька в черном плаще приказал сначала осмотреть приемную и стол секретарши, еще двоих отправить в директорский кабинет. Затем он достал из папки несколько машинописных листков, положил на стол и сказал:

– Вот акты закупки тортов вашего производства: «майский» и «бригантина» в двух магазинах «кулинария». Закупка сделана неделю назад. А вот акты экспертизы. Согласно им коньячная пропитка тортов отсутствует. Вместо нее использован подслащенный чай. В креме нет масла. Также отсутствует сухое молоко, сливки. Зато там есть просроченный маргарин. Вот акт закупки тортов «слава», купленных в «ди-

ете» на Ленинском проспекте. А вот акт экспертизы...

– Все, хватит. Задолбал уже своими актами...

Мужчина в черном плаще спросил у нее ключи от сейфа и от смежной комнаты, которая сейчас пустовала, и попросил пройти туда. На ватных ногах, стараясь не показать страха, она выполнила приказ. Откуда-то появилась молодая женщина, которая закрыла дверь в кабинет, чтобы не видели мужчины, приказала Захаровой встать посередине комнаты, расстегнуть и приспустить юбку, и провела личный обыск. После этого Захаровой позволили вернуться в кабинет, но не за рабочий стол, а сесть у окна на стул для посетителей и держать руки на коленях, иначе наденут наручники, и точка.

Тут она обратила внимание на мужчину, которого раньше здесь не было, но узнала его с первого взгляда. Это был тот самый майор КГБ, который задавал вопросы о погибшей подруге, только прошлый раз он был в костюме, а сегодня пришел в спортивной куртке. Она, видимо от волнения, не могла вспомнить его имени и отчества. Майор вытащил ящик стола, вытряхнул его содержимое на столешницу и бросил ящик на пол.

– Послушайте, – сказала Захарова. – Если что-то надо найти, спросите. Мы ведь уже знакомы... Встречались уже.

Орлов перевел на нее пустой взгляд и покачал головой:

– Вы ошибаетесь, гражданка. Первый раз вас вижу.

Он выдвинул второй ящик, высыпал на стол все, что в нем было, и стал разворачивать какие-то скомканные бумаж-

ки. Через минуту на столе оказалось содержимое последнего третьего ящика, гэбэшник перелистал старую записную книжку, попавшую на глаза, и сунул ее в карман.

– Послушайте меня, – сказала Захарова. – Я готова ответить на все вопросы. Честно и откровенно. Да, я кое-что утаила. Мне не хотелось... Вы, наверное, понимаете, о чем я... Не хотелось обсуждать личную жизнь погибшей подруги, копаться во всем этом. В ее мужчинах, ее долгах, ее отношениях с мужем. Но теперь я готова поговорить, обо всем рассказать... В полном объеме. Чистосердечно.

– Гражданка, я вас первый раз вижу, – повторил Орлов. – Меня часто за другого человека принимают. Внешность типичная. Я уж привык к этому.

Он выбрал еще одну записную книжку, перелистал и опустил в карман, минуту пошептался с оперативником в черном плаще и ушел. Захарова ерзала на стуле и представляла, как на заседание народного суда придет ее сын, взрослый парень, который уже все понимает, еще придет ее мать, подруги. Думать об этом она долго не могла. Перед глазами сама собой возникала физиономия майора гэбэшника, копавшегося в ее ящиках. Прошлый раз он был вежливым. Скоро она вспомнила имя майора – Виктор Орлов. Но теперь это уже не имело никакого значения.

На станции метро Таганская, как всегда, было полно народу. Следуя в русле людского потока, похожего на реку, Разин кое-как доплыл до эскалатора. Когда до цели оставалось несколько шагов, кто-то тронул его за плечо. За спиной оказался майор милиции Феликс Судаков, его лицо, как всегда, бледное, похожее на ноль, было грустным. Судаков сказал, чтобы Разин не оборачивался.

– Есть разговор, – сказал Судаков. – Когда выйдем в город, идете за мной. Держите дистанцию.

На улице светило солнце, Разин долго прикуривал. Когда дистанция достигла метров тридцати, пошел за ним. Сегодня Разин не пытался оторваться от слежки, у него не было назначено визитов или встреч, о которых не должна была знать госбезопасность, но московское метро так устроено, так создано, что через две пересадки люди, следующие за тобой по пятам, сами теряются неизвестно где.

Судаков перешел дорогу, через некоторое время они оказались в лабиринте переулков, застроенных старыми домами. Разин следовал на почтительном расстоянии и чуть не потерял милиционера, когда тот нырнул в полуподвал, где помещалась закусочная. Внутри было накурено, посетителей немного, здесь на разлив торговали крепленным вином и бутылочным пивом, из закусок ставрида или отварные сосиски

без гарнира. Они встали за угловой столик, съели по куску рыбы и глотнули вина.

– С вами трудно встретиться, поговорить еще труднее, – сказал Судаков. – Вокруг крутятся оперативники. Телефон слушают. Во дворе гэбэшные машины стоят. Вот и сегодня я полдня потратил, думал, что опять не повезет. А у меня дело срочное, как назло.

– Ну, мы все-таки встретились, – улыбнулся Разин.

– Как вы знаете, ваши коллеги решили, что они лучше милиции справится с этой задачей, найдут убийц. Дело у нас забрали. Мне нахамили и дали пинка под зад, и я полетел к такой-то матери... Но взамен получил некий бонус. Гэбэшники обещали информировать меня о расследовании и присылать копии важных документов. Как ни странно, не обманули.

– Неужели? – Разин допил свое вино.

– Когда дело еще было нашим, милицейское начальство распорядилось напечатать ориентировку о пропавшей женщине. И повесить эти объявления на милицейские стенды по всей Москве. Так и так, пропала гражданка, тех кто ее видел, просим обратиться в отделение милиции по месту жительства или позвонить... Думали: вдруг появится свидетель, и ниточка потянется. В милицию пришла некая Анна Николаевна. Вполне нормальная, адекватная женщина лет пятидесяти. Она рассказала: перед Новым годом видела, как неизвестный мужчина на улице несколько раз ударил Татьяну

Федоровну по лицу, затолкал ее в машину и увез.

– Женщина запомнила нападавшего?

– Короче, так... Дама сунулась в одно отделение, в другое... Ее отправили ко мне на Петровку. Я снял показания и дал ей посмотреть несколько альбомов с физиономиями уголовников, которых привлекали за насильственные преступления. Она опознала Олега Крапивина. На вид лет тридцать пять, рост выше среднего. Трижды судим за грабеж и разбой. Опасный парень. Последний раз вышел на свободу пару лет назад, ему запрещено проживать в Москве и других крупных городах. Где он сейчас, с кем водит дружбу, мы не знаем. И что натворил за эти пару лет, – тоже вопрос.

– Вы звонили в Комитет?

– Позвонил руководителю оперативной группы. Рассказал о свидетельнице и ее показаниях. И удивился, что там не выразили интереса к свидетельнице. Из разговора я понял, что у них уже есть подозреваемый. И на него повесят все концы. Поэтому Крапивин, ну, это тот парень, который средь бела дня похитил вашу супругу, – им уже не нужен. Через неделю я получил официальную информацию, что убийца – некий Бортник. Они же обещали присылать важные документы – и прислали. А потом приехал их паренек, чтобы забрать показания свидетельницы, которые я записал...

– А если та женщина ошиблась?

– Маловероятно. Я показал ей один альбом, там было четыре фото этого деятеля, во всех видах. Потом достал дру-

гой альбом, там были карточки Крапивина двухлетней давности. Короче, эта дама видела не меньше десятка его фотографий. И везде его опознала. Я разложил перед свидетельницей несколько женских фотографий. Подобрал, чтобы были примерно одного возраста. Она, не задумываясь, показала на вашу покойную жену.

– Как найти Крапивина?

– Не знаю. И боюсь, что никто не знает. Но у него есть сводный брат Роман Греков. Доцент кафедры экономики МГУ. В своих кругах известная личность, ездит по границам, живет на широкую ногу. Когда последний раз с Крапивиным случились неприятности, старший брат нанял хорошего адвоката. И Крапивин получил срок ниже низшего предела. И вообще, у этих братьев хорошие отношения. Всю жизнь они держатся друг за друга. И еще одна вещь...

– Ну, давайте. Без предисловий...

– У нас в ГУВД есть копия дела в двух томах, туда подшиты все бумажки, начиная со свидетельства о смерти. И, кроме того, я получаю копии свежих материалов. Но тут мы подходим к занимательному моменту. Я еще раз просмотрел копии протоколов по делу вашей покойной супруги. Среди ее знакомых есть некая Роза Шор, заведующая секцией парфюмерии в магазине «весна».

– Я с ней знаком, милая женщина.

– Мы ее опрашивали, когда только начали. Во время дознания она клялась, что ничего не знает и не ведает... Она

не встречалась с вашей женой перед ее исчезновением, по телефону не разговаривала. Но в одном месте, только один раз, Шор сказала, что у вашей жены был один друг или, скажем, поклонник. Шор запомнила его имя. Константин Греков. Странно, не правда ли... Повторяю: имя Грекова за все время следствия было упомянуто только один раз. Кажется, больше никто из свидетелей этого человека не вспомнил. Если верить свидетельнице, – Олег Крапивин похитил вашу жену. А Крапивин – сводный брат Грекова. Каково? Служба в милиции научила, что совпадения случаются редко. А таких и вовсе не бывает. Это нечто большее, чем просто совпадение.

Судаков вытащил конверт и под столом передал его Разину. Внутри были две фотографии. Один мужчина лет сорока с небольшим, с приятным лицом. Темные волосы, модный клетчатый пиджак и светлая сорочка, – Константин Греков. На другой карточке мужчина помоложе. Это, стало быть, Олег Крапивин. Черты лица резкие, губы сжаты, глаза прищурены, будто он смотрел на яркий свет. Разин опустил конверт в карман.

– Кто в КГБ занимается поисками убийцы? – спросил Разин.

– Майор Виктор Орлов. Слышал, что он хороший сыщик.

– Вот как... Орлов, между прочим, мой добрый знакомый. Если коротко, я подрался в ресторане. Сначала думал, что в милиции меня продержат три дня. А по истечении этого

времени предъявят обвинение... Но тем же вечером приехал Орлов, поговорил с кем-то... Меня отпустили. Он сам отвез меня сначала в травмопункт, а потом домой.

– Надо же, какая трогательная забота, – усмехнулся Судаков. – Кстати, свидетельница Анна Николаевна позвонила мне и рассказала, что Орлов добивался, чтобы она опознала в убитом уголовнике того человека, который похитил вашу жену. Но Анна Николаевна не подписала протокол опознания. Такие дела... Все, мне пора. Не поминайте лихом.

Судаков допил вино и пропал в табачном дыму.

Глава 10

Доцент МГУ Роман Сергеевич Греков места себе не находил от беспокойства.

В понедельник он позвонил куратору из КГБ Ивану Колодному и сказал, что брат сидит в лесничестве и носа не высовывает, он согласился уехать куда-нибудь в провинцию и лечь на дно. Надо сделать два железнодорожных билета до Ленинграда, Олегу и его подружке Карине Крыловой. А оттуда два билета в Краснодар, лучше самолетом. Они месяц проживут у верного человека и отваяют в Сочи.

– Ладно, чего-нибудь придумаю, – ответил Колодный. – Только предупреди Олега, что дорога в Москву для него теперь закрыта. А если будет дальше дурака валять, – сядет. И никто не поможет, не станет вытаскивать.

– Я с ним уже говорил, не беспокойтесь, – пообещал Греков. – Он уедет с концами. И еще одна просьба. Нельзя ли как-то устроить, чтобы тот оперативник, ну, майор Орлов, который допрашивал меня ночью в подвале, чтобы он... Ну, пропал куда-нибудь на время, чтобы отвязался от меня?

– Что, страшно? – засмеялся Колодный.

– Просто не по себе как-то. Неприятный человек. Мне иногда кажется, что он появится снова и будет меня пытаться.

– Слушай, Роман, не фантазируй. Наблюдение с тебя снято. Живи и радуйся. Насчет билетов позвони послезавтра.

Греков успокоился, но ненадолго. В тот же день не завелась машина, он отправился на работу общественным транспортом. В метро и на службе казалось, что за ним кто-то наблюдает, ощущение было настолько острым, что зудела кожа на спине, хотелось запустить руку под рубашку и почесаться между лопаток.

Он говорил себе, что шпионить некому, но на обратной дороге в метро, заходя на эскалатор, оглянулся через плечо и увидел мужчину, похожего на Алексея Разина, мужа покойной Татьяны. Но тут в спину толкнули, и, когда он снова глянул назад, тот человек уже потерялся. Греков ехал домой, размышляя о том, мог ли Алексей Разин оказаться тут, рядом. По теории вероятности это вряд ли возможно, да и ошибиться легко.

Вечером, сидя у окна, выходящего во двор, он прикидывал, отправляться ли на прогулку. И вообще, как жить дальше: по старым правилам, будто ничего не произошло, или изменить привычки хотя бы на время. Не встречаться с интересной девушкой, аспиранткой филологического факультета, забросить частные уроки, больше не играть роль активного общественника на кафедре, отказаться от субботней вечеринки, где обещал быть большой человек из МИДа...

Он не смог ответить на эти вопросы. Переоделся в спортивный костюм и кроссовки, привезенные из Франции, и отправился на улицу. После возвращения с прогулки заглянул автослесарь, с которым договаривались о ремонте машины.

Вместе спустились вниз. К счастью, поломка оказалась пу-
стяковой, мужичок все исправил за полчаса и получил рас-
чет.

* * *

За всеми этими волнениями, потеряв счет времени, Ро-
ман Греков не вспоминал о сыне. Максим жил один в съем-
ной квартире, и эта самостоятельная, почти взрослая жизнь
направилась парню. Он старался лишний раз не показываться
отцу на глаза, а когда появлялся, просил денег или машину
на один вечер. Бывало, что Максим мог пропасть ненадолго,
провести время у какой-нибудь девчонки, не позвонить отцу
пару дней подряд. Поэтому сердце не болело.

Утром в среду позвонили из районного управления внут-
ренних дел, оказалось, что сын провел там под замком четы-
ре дня.

Звонил дознаватель, судя по голосу, еще довольно моло-
дой человек. Было сказано, что Максим участвовал в по-
пойке, там он изнасиловал девушку, угрожая ей убийством.
Когда сотрудники милиции прибыли на место, они опроси-
ли потерпевшую и нашли у Максима пакетик канабиса, а
также самиздатовскую книгу с прозой антисоветских авто-
ров. Сам молодой человек находился в состоянии наркоти-
ческого и алкогольного опьянения, вел себя вызывающе. Те-
перь он пришел в себя и может осмысленно отвечать на во-

просы. Вчера, когда была получена санкция на возбуждение уголовного дела по сто семнадцатой статье, он был отправлен в СИЗО Матросская тишина.

Это известие ударило Грекова по голове как молоток, лишив способности логически мыслить, с языка сорвались первые же глупости:

– Послушайте... Ну, мы наверняка сможем договориться как-то по-человечески. Я, конечно, не миллионер, но, если дело в деньгах, готов поспособствовать, то есть... Сделать взнос, так сказать... Ну, вы меня понимаете.

– Я таких, как вы, очень даже хорошо понимаю, – ответил дознаватель. – Взятку предлагаете?

– Я? Нет, нет... Я ничего не предлагаю. Хочется помочь мальчику. Кто не совершал ошибки в его-то возрасте. Я не ханжа...

– Слушайте, гражданин. Если вы еще раз заговорите о деньгах, – пеняйте на себя. Я так устрою, что вы с вашим «мальчиком», – это слово он выделил, произнес по слогам, – окажетесь в одном следственном изоляторе.

– Он еще, в сущности, ребенок, – взвился Греков. – Мы все совершали ошибки. А то, как же так... Вы звоните мне через несколько дней после происшествия. И пытаетесь меня, то есть мне...

Он захлебнулся словами, чуть не бросил трубку, но опомнился. Дознаватель ответил, что Максиму уже двадцать один, он взрослый антисоциальный элемент и должен отве-

чать за свои действия. Скороговоркой продиктовал телефон, по которому можно узнать о порядке приема передач и пообещал, что Грекова-старшего, если к нему будут вопросы, вызовут повесткой. Роман Сергеевич достал из серванта бутылку коньяка и выпил полстакана. Он быстро оделся, спустился к машине и, отъехав от дома, остановился у телефонной будки.

– Ты насчет билетов? – спросил Колодный, когда соединили. – Записывай...

– Нет, тут кое-что посерьезнее.

Греков выложил историю с сыном, наговорил резкостей про милиционеров и попросил помочь, – вытащить парня из следственного изолятора и спасти от произвола милиции. Ответ был холодным и лаконичным. Даже показалось, что Колодный уже знал об этой беде, впрочем, тут удивляться нечему. Знал и не собирался пальцем о палец ударить, то ли пачкаться не хотел об эту грязную историю, а, может быть, у него были и другие причины. Собеседник пообещал разузнать, в чем там дело, и ничем не обнадежил.

* * *

Днем Греков кое-как отбарабанил лекцию и провел семинар о сотрудничестве стран социалистического лагеря. Он поспешил домой, оттуда дозвонился знакомому адвокату, в прошлом работнику внутренних дел, который был знаком

с большим милицейским начальством. Адвокат перезвонил уже через полтора часа и сказал, что на этой стадии следствия ни защиту, ни родственников к Максиму не допустят.

Милиция настроена серьезно. Но, возможно, появится шанс договориться с той девчонкой, жертвой изнасилования. Если она согласится отказаться от показаний, хотя бы частично, то шанс на условный срок весьма вероятен. Адвокат пожаловался на дороговизну жизни, Греков ответил, что готов заплатить аванс хоть завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.